Литературное объединение "Северный огонёк"

Книга летнего настроения

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 82-1
ББК 84
С28

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

"Северный огонёк" Литературное объединение
С28 Книга летнего настроения / Литературное объединение "Северный огонёк". — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 184 с.
ISBN 978-5-0055-1212-3

Каждый календарный год включает в себя три месяца — июнь, июль и август. Вместе они называются Лето. Календарное Лето никак не может увеличить себя в размерах, оно обязано начинаться после Весны и заканчиваться в Осень. Но это календарное Лето. А Лето душевное — «Летнее настроение» может существовать в любой день, в любой час, в любую погоду. И неважно, что за окном, морозы или град, дождь или таяние льдов. Летнее настроение границ не знает!

УДК 82-1
ББК 84

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Литературное объединение "Северный огонёк", 2021
© Изабелла Сазанович, иллюстрации, 2021
© Изабелла Сазанович, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-1212-3

ЛЮДМИЛА ЕЛИСТРАТОВА

В ЖАРКИЙ ДЕНЬ

В Сургуте редкий жаркий летний день,
Я в парке, где тенистых кедров ласка.
И кажется, что расписал Гоген
Гладь обмелевшей Саймы в ярких красках.

Дышу целебной хвоей глубоко,
Неспешно наблюдаю за округой
И обретаю сказочный покой,
Природе доверяя, словно другу.

Все горести, волненья, суета
Отступят, растворятся, отболеют…
Начать бы повесть с чистого листа…
Да знаю: по-другому не сумею.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Снова белая ночь не даёт мне уснуть.
Жалят острые мысли назойливым роем:
То гудят, увлекая на пройденный путь,
То завесу грядущего чуть приоткроют.

Ни прогнать, ни замедлить взбесившийся рой.
Растворились бесследно снов сладких крупицы.
Ночь — настойчивой Музой — протянет перо,
И строка за строкой по листу заискрится.

И лишь только стихи (моим мыслям — нектар!)
Соты белых листов до краёв заполняют,
Гул стихает…
По окнам тягучий янтарь
Долгожданный рассвет не спеша разливает…

ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ

Лето в деревне.
        Злящийся зной:
Небо трясётся
        над влажной казной —
Капли не вымолишь.
        Сохнущий сад,
Жёлтые травы…
        Ужель листопад?

Нет, это раннего
        яблока хруст.

Только приюта —
ивовый куст,

Брызги прохладной
мягкой волны.
Берег и речка
людом полны.

Вниз — дух захватит!
Вглубь — прыгуны!
Сладко в объятьях
рыбьей страны.

АФАЛИНЫ

Черноморские дельфины,
А иначе афалины,
Что резвятся без причины
В скособоченных волнах,
Пробкой — из воды игристой,
Рассыпая брызг монисто,
Вырывая у туристов
Восхищённый возглас: «Ах!»
Мы в судёнышке нехлипком.
Общий «вздрог» от встречи с «рыбкой»
Быстро сменится улыбкой,
Изольётся лавой слов.
Телефоны, объективы…
Все торопятся красиво
Кадр запечатлеть игривый —
Миг общенья двух миров.

Я бы бросилась в обьятья
К вам, мои морские братья,
Да решимости не хватит:
Дети разных мы стихий.

Предки выползли на сушу,
Связи кровные разрушив,
Но волнует море души
Род ведущим от сохи.
И когда вдали от юга
Городок накроет вьюга,
Память мне — с участьем друга —
Нарисует ряд картин:
Мы в спасательных жилетах
На морской прогулке летом,
И мелькает в бликах света
Стая резвых афалин.

ПРОГУЛКА НА ЛОШАДКЕ

На лавочке аллеи
С сыночком мы сидели,
Мороженое ели,
Глазели на народ:
Клевали птицы крошки,
Мужик терзал гармошку,
Вдруг видим по дорожке
Студент коня ведёт.

Нет, не коня, лошадку —
Неспешно, чинно, гладко.
У ней на спинке шаткой
Мальчоночка сидит:
Глаза — почти что с блюдца,
Довольные, смеются.
И мама в юбке куцей
За мальчиком следит.

Катались наши предки
На лошадях нередко,
Но городские детки

Их видят раз в году.
И если вдруг случится
На пони прокатиться —
Сияют счастьем лица
У взрослых на виду.

В ТУРЦИИ

Лежу под пальмою. Лижу
Банановый айс-крим.
В мечтах неспешно возвожу
Мост в Турцию (как в Крым).

Легчайшим веселит вином
Кустов цветущих хмель,
Отель — пять звёзд, «всё включено»
(И с бэйлисом коктейль!)

Лениво плещется волна,
Перчинкою — прибой.
Прозрачна даже глубина
И ласкова с тобой.

В морских объятьях поняла,
Что счастлива вполне…
Ах, чтоб всю жизнь я так жила,
Как эти десять дней!

НАВЕЯЛО

Так пахну́ло скошенной травою,
Что мне память высветила вдруг:
Как-то в детстве — давнею порою! —
Взял с собой нас дедушка на луг;

И восторгом озарялись лица,
Солнце разрасталось в синеве,
Да пыталась увести нас птица
От гнезда, укрытого в траве…

Остальное выветрили годы,
Лучше не расспрашивайте вы,
Только вот впитал сегодня воздух
Чу́дный запах скошенной травы.

С прошлого запреты и печати
Сорваны велением мечты.
Показалось, снова замечаю
Временем сожжённые мосты.

Но очнулась я… Виденья ре́дки,
Рядом — жизнь в исканьи красоты:
На асфальте вянущие ветки,
Вдоль дороги ровные кусты…

***

Все лужи высохли, асфальт ослеп.
Босые ноги воздух рассекают.
Рука твоя горячая такая,
Как свежеиспечённый хлеб…

МАРГАРИТА СЛАДКОВА

А НАД КАМЕННЫМ МЫСОМ...

А над Каменным Мысом снег.
А над городом всё ещё осень —
Медью блещет её оберег,
скрытый строгим величием сосен.
А в разбуженном сердце — весна.
В беспорядочных мыслях — лето!
Суетливость бокалом вина
непредвиденной встречи согрета.

2015

О ЧЁМ

О шорохе складок в изгибе предплечья,
о слове в безречьи, где море загадок,
таких же беззвучных в предптичьи рассвета,
в предсловьи сонета цветисто нескучном;
напитке не в чаше, желаний сплетеньи
как стихосложеньи венка из ромашек;
о сочности дыни медово-пахучей —
что может быть лучше в предчувственной сини...

2015

ТЮЛЬПАННО РАСКРЫВШИСЬ

Тюльпанно раскрывшись, подставив ладонно,
иньянно слившись, приняв тихостонно
дающую влагость, влекущую в омут,
горючую сладость, вдохнувшую шепот
сейчас! И чуть позже! Поток междометий
без выдоха… Боже! … Гул тысячелетий…

2014

СКВОЗЬ ШУМ

Сквозь шум взбивания в тугую пену ленты берега
с волной
и скрежет листьев пальм, и голосов ленивую
невнятность,
пытаюсь дошептаться до глубин, где вод
подземных вой,
где превращается в действительность —
невероятность.
Ты иногда мне отвечаешь струей афористической,
живой.

Под скрип прожаренных, мерцающих
павлинозвездно бликов
географически невидимых, никем не обозначенных
штрихов,
растёт на теле, растворенном во вселенной, соль
двулико.
Ступени кристаллически ползут из слов нечитанных
стихов
шагами океана, — то взрывной волной, то снова
безъязыко.

И мир, разбушевавшейся стихией вод восстал, как
божество —
набросился, проник и овладел внимательно
и оживленно,
как будто дал себя, и стала я из двух в одно
соединенным существом,
чтоб видеть суть вещей и принимать неистово
и удивленно.
И вижу. И лечу, с тобой обнявшись, жарким,
звездным веществом.

Настроен камертоном пульс двоих на ритмы
твердей и светила.
Величия немыми голосами спеты предисловий фуги
и путей сонаты.
И с ангелоподобным свистосмехом избранных
земли стрела пронзила
И человек сместился вместе с миром со своей
оси — запреты сняты.
Но за такой презент вне времени пыльца небес
виски посеребрила...

2014

ВРЕМЯ СУТОК — БЫТИЕ

На город опустился белый стих.
Кто смог — уснул, не смог — притих.
И в этой беспокойной белизне
еще раз входит в день, уже извне.
И проживает снова каждый миг —
то, что узнал, и то, что не постиг.
Что пропустил в обетованной суете
теперь в беззвездной видит пустоте.

2013

БЕЗ МАЛОГО

Без малого ночь — не ночь, сон — не сон,
летаешь на дневных обрывках, фальшивках.
Беспокойство. Гудит. Саднит. Болит.
Путаешься в далёких-близких, сетях, наживках.
Не укроешь себя от мыслей, слов в одеяло,
и не этого от тебя требуется в ночи —
найти, что уровнялось, разменялось, растерялось
и, по привычке снова себя не заморочить.
Похоже, разобралась душа — где «косячит»,
устала. Та ещё работёнка… А как иначе…

2021

ДЕНЬ

Прохладой шёлка ниспадает предутреннее время…
Узнавание себя.

Из детства волшебством искрится расточительной улыбкой
Почекуйкино солнце.

Стекает дождь слепой с листвы зелёным текстом…
Читаю имена.

Притихшим костерком чуть слышно потрескивает память…
Порыва ветра ждёт.

2020

ПЕРВЫЙ

В обычном поле обычным запоздалым летом полевой бутон обычный, продрогший под дырявым прошлогодним одеялом, решился, наконец, судьбе раскрыться:

— Будь что будет!

СЕВЕРНЫЕ ИЮНИ

Оказалось, они — звёзды.

Чувственным сезонным скоплением разлились взблёскивающими льдистыми подвижками в своей стихии и гортанно-призывно ввинчиваясь в избранное пространство, в свои столпы, своим постоянством меняют их и всех, кто им следует или не следует, наблюдает…

Оказалось, они — путь.

Но движения не действительности сопровождают, а зарождающегося: обозначают, оповещают. Питающий звук остаётся в каждой сущности несмываемым образом самого себя, себя запланированного, но по-своему исполненного, а не случайного, — куда-то попавшего и вынужденного участвовать в какой-то истории, действующих лиц и названия которой даже не знаешь.

Оказалось, они — время.

Некалендарное. Призрачное. Магнетическое. Почти поглощённое памятью большей части времени — белоснежной.

Оказалось, они — знаки.

Тягучие, плавные знаки вопроса, скользя по изменчивой глади, в отражённой выси выгнув шеи, переигрывая первобытный гул ликующим шумом и хлопаньем, переливаясь друг в друга, — белым по белому пишут ответы.

2021

***

Клеверово ковровое,
одуванчиково диванчиковое,
самолётно бирюзовое,
речисто разливайчиковое…
Тихо-белосонное,

погодно непостоянное,
изначально укороченное,
само себя неузнаваемое.
Лихорадочно неуспеваемое,
простое и загадочное,
нежно-снежно измеряемое,
бесспорно недостаточное!
Непосвящённым непонятное
ожившее витражистое,
условно состоявшееся —
Сургутолетнее игристое.

2019

АНЖЕЛИКА БИВОЛ

ВРЕМЯ БЕЛЫХ НОЧЕЙ

Не темнеет в июне в Сургуте,
Правит бал время белых ночей.
Птичий гомон под окнами будит,
И светло, как от сотен свечей.

Расцвели одуванчики дружно,
Ярко-жёлтым газоны пестрят.
Ждём тепла, нам так всем это нужно,
Лета ждём, лишь бы только не зря.

Пахнет сладко черёмуха снова,
На проспекте — тюльпаны в цвету.
Вечер хладный дождливо-лиловый
День уставший сменил на посту.

А ТЫ УМЕЕШЬ СЛУШАТЬ ТИШИНУ?

А ты умеешь слушать тишину?
Ты слышишь птиц, спешащих в поднебесье?
В ночи грустящую огромную луну,
Кота в саду, поющего ей песни?

Ты слышишь шелест крыльев стрекозы,
Шуршанье листьев молодой березы,
Среди травы вздох утренней росы?
Не зря росинки выглядят, как слезы.

А ты умеешь слушать тишину?
Нежнейшую мелодию рассвета,
Когда легонько тронула струну
Скрипачка с псевдонимом странным — Лето…

А ты умеешь слушать тишину?

УПЛЫВУ ДАЛЕКО

Сквозь прозрачность окон
В дом вливается тихое утро.
Новый день невесом,
Чуть подсвечена даль перламутром.

Море шепчет свои
Стародревние тихие сказки:
Паруса, корабли,
Да русалочьи нежные ласки.

Свежий ветер легко
Криком чаек наполнит полсвета…
Уплыву далеко,
От волны ожидая ответа.

ПРОСНУЛСЯ ЛЕС

А где-то далеко проснулся лес,
И потянулся к небу каждой кроной!
И меж стволов луч солнечный исчез,
Вдруг в мураве запутавшись зелёной.

И там, вдали, звенит рассветный хор —
На все лады в ветвях запели птицы!
А паутин затейливый узор,
Как кру́жево волшебное искрится!

Сырой белёсый утренний туман
Играет в прятки с солнцем над рекою.
И ветер прячет бабочек в карман.
День новый полон света и покоя...

ЗВЁЗДАМИ

Звёздами с неба падают сказки,
Прячутся в гривах полночных коней.
Яркими перьями — всполохов краски,
Где-то вдали — ярость гроз и дождей.

Лягу в траву и, на звёзды любуясь,
Как в молоко, в летний сон окунусь.
Утром, с рассветом чудесным целуясь,
К новому дню невзначай прикоснусь.

ПОДАРОК

Те облака, что так беспечно
Вдаль гонит ветер, бесконечность
Июньских дней, и птичьи трели,
Цветущих яблоней метели,
И голубь на соседней крыше —
Бесценнейший подарок свыше.

ДЕРЕВЕНЬКА

Деревенька. Выпас вольный
Пёстрых коровёнок, кур.
Воздух пряный, полдень знойный,
Меж дождями — перекур.

Оглянусь — повсюду травы,
Высоченный иван-чай.

За околицей — дубравы
Начинаются. Встречай!

А простор какой! А ветер!
Хоть — любуйся, хоть — дыши!
Лучше места нет на свете
Для израненной души.

В ВЕЧНОСТЬ

Мгновение! И ветра тихий вздох.
Кружение: неловкость и беспечность.
Как одуванчики, всех нас готовит Бог
К полёту в вечность.

ПОД ПОКРЫВАЛОМ НОЧИ БЕЛОЙ

Под покрывалом ночи белой
Спит сладким сном родной Сургут,
Над крышами, скользя несмело,
Неслышно облака плывут.

В них растворились без остатка
И сны, и сказки, и мечты,
И дремлется тепло и сладко,
В объятьях тихой красоты.

Спи мой Сургут, мечтай о вечном,
Тебе внимают небеса
Под шелест ветра бесконечный,
Даруя людям чудеса.

АВГУСТ. ЗВЁЗД ПАДЕНИЕ

А когда для радости не хватает сил,
У природы дивного августа проси!
Яркого, душистого, как цветы вокруг,
Ласкового, нежного, словно добрый друг.

С ароматом яблок и стрёкотом цикад,
С дождиком, не знающим ни каких преград.
Августа — волшебника, августа — творца,
Звёзды с неба льющего прямо у крыльца.

Будет месяц солнечным, будет золотым!
К сентябрю развеется, словно тёплый дым.
И зимой холодною вспомнишь как-то вдруг
Август. Звёзд падение. Тихий яблок стук.

ПЕТР СУХАНОВ

ЛЕТО

Я люблю, когда приходит лето —
солнечное, как твои глаза!..
И звучат
с рассвета до рассвета
радостные птичьи голоса.

Милая, послушай эти песни —
сколько в них
раздолья
и любви —
словно нет роднее и чудесней
рощи, поля, ивы у реки!..

В каждой песне светятся рассветы,
радуют
и солнце, и гроза!..
Я люблю, когда приходит лето —
солнечное, как твои глаза!..

НА РЫБАЛКЕ

Два берега.
Две удочки. Июль...
Погода отвратительней зарплаты!..
Сейчас бы кстати съездить
в Тараскуль —
оно дешевле, чем Эмираты...
Чистейшая, целительная грязь

отводит прочь
премножество вопросов!..
Два берега.
Две удочки. Карась
попался-таки!.. Видно был
философ!..
И это лучше, чем загнить от пуль
или — в протоке жизненной
скончаться!..
Два берега.
Две удочки. Июль...
Вот так бы
вдруг
поймалось счастье!..

«ВНОВЬ ДОЖДЕВЫЕ ОБЛАКА НАВИСЛИ...»

Вновь дождевые облака нависли...
Дождь бесконечен — ночью льёт
и днём!
В такое время я ловлю себя на мысли,
что жил — не так
и думал — о пустом...

Сверкнёт гроза — мне холодно и страшно.
Ударит гром — спокойно и тепло.
И, радуясь легко и бесшабашно,
я мучаюсь смешно и тяжело...

В такое время истины — как раны.
Куда ни ткнёшься — толку с жизни нет!..
Но как звезда в блуждающем тумане,
с небес
весёлый падает рассвет!

СИЛА ЛЮБВИ

Я ветер люблю и дождь...
Люблю, когда их стихии
вгоняют мне в душу дрожь,
а в мысли — судьбу России!

Срывая грозою грязь,
смывая дождями мерзость —
и ветер, и дождь, резвясь,
распахивают безмерность!

Безумствуют век и кровь...
Стихии времён — как зелье!
О, Родина!
О, Любовь!
Мы вместе вращаем Землю!

ИЮНЬ

Наливаются травы... Заря
разыгралась — как девица красная...
Сколько времени прожито зря,
сколько сказано слов понапрасну!..
Оглянёшься — как в дикой степи:
ни огня, ни отрады...
Ни даты...
Лишь грохочет на звёздной цепи
безобразное пламя
заката!

ИЮЛЬ

Хлеба
уже по пояс!..
Земля ласкает взор.
Плетётся скорый поезд,
буксируя простор...
Безоблачное небо,
а в небе — солнца круг...
И свежий запах хлеба
парит
вокруг!..
Колосья, словно гроздья,
удачей
налиты...
И только тени поезда
увы, пусты...

АВГУСТ

Какое небо — море звёзд!..
Какая жизнь — как волны в море!..
А мир
так непонятно прост,
что и в грозу темно во взоре!..
Но тем и счастлив человек,
что, принимая все утраты,
вдыхает
свой короткий век
не ради званий и зарплаты!..
И разве молот кузнеца
не выбивает
из металла:
какое небо — без конца,
какое время —
без начала?!

МАРИНА КОНДАКОВА

ЛЕТНИЙ ЦИКЛ

У соседей вопят петухи,
И по небу бегут облака,
Дремлет пёс во дворе на цепи,
Солнце ласково греет бока.

Белый голубь красиво сидит
Сверху груды больших кирпичей,
Кот за дверью сердито басит,
Чтоб открыли ему поскорей.

В небесах тарахтит вертолёт,
И танцует от ветра листва.
А в ушах — Дитер Болен поёт
Позитивные англослова...

Прогуляюсь. Дойду до ворот.
Завывает вдали квадроцикл,
И визгливо «болгарка» орёт —
Запускается летний цикл...

***

Июль на работе — сплошное мученье:
Жара, пот струится и всех ненавижу.
Покраска, уборка и переключенья,
От мошек проклятых спасенья не вижу.

И против назойливой мелочи этой,
Набилась которая в нос, рот и уши,
Никак не работают все репелленты —
В тайге мошки злые и все хотят кушать!

Решив обратиться к рецептам народным,
Беру ванилина столовую ложку
(Чтоб нечисть лесную оставить голодной),
В воде растворяю, мешаю немножко…

Вдыхая раствора чарующий запах,
Открытые тела места протираю:
«Дешёвое средство! Почти что бесплатно!»
И снова к работе своей приступаю.

И я теперь пахну, как булочка, сладко,
И мошки исчезли! Всё в должном порядке!

***

На уступе замшелой и древней скалы
У летящего вниз водопада,
Как хозяин прекрасной, но чуждой земли,
Дом стоял со старинным фасадом.

И вельможа один в доме том проживал
(Ну, конечно, с прислугой и стражей.)
Проезжающих мимо любезно встречал,
Окружённый красою пейзажа:

«Дорогие мои! Куда держите путь?
Заезжайте и будьте гостями!
Вас накормят, напоят, дадут отдохнуть!»
Дом уютно светился огнями…

Он казался своим, добротою сиял,
Только стражники чутко стояли:
И лишь гости входили, их сразу — в подвал
И с жестокостью там избивали.

Отбирали добычу, доспехи, коней
И оружие — всё подчистую.
Превращали в рабов тех несчастных людей,
Заставляли трудиться вручную:

Инструменты в руках — лишь тупая кирка,
Кушать — только, что сами добудут…
За доверье слепое цена велика —
На свободе они уж не будут…

Но из рабства двоим удалось убежать,
В яму сточную прыгнув печально…
А потом — по подземной реке уплывать
И живыми остаться случайно…

Шли века… Тех, кто был там давно уже нету:
Водопад у скалы напевает мне песню об этом.

ТАЁЖНЫЙ ВОРОН

Милый с вахты возвратился —
Поцелую, обниму.
Вот сейчас наговоримся!
Только вещи разберу…

Я держу в руках футболку,
Удивил один момент:
На одном плече — есть дырки,
На другом — такого нет.

Я стою, не понимая,
Кто его очаровал?
Кто своими коготками
За плечо его держал?

Может, кошечка какая
Так влюбилась горячо,
Что, от страсти изнывая,
Расцарапала плечо?..

Нет. Наверное, не кошка —
Нет измены никакой.
Просто, может, рубашонку
Кто-то разодрал другой?..

А быть может, ворон чёрный,
Много лет прожив в тайге,
Моим мужем увлечённый,
Взял его в друзья к себе?..

Ничего себе картинка
Представляется сейчас!
«Фантазёрка ты, Маринка!» —
Говорю себе, смеясь.

Благоверный ждёт автобус,
Размышляет о «Свитче»...
Просто — инстаграммный фокус!
Ну, и ворон. На плече.

***

Кто помнит фильмы детские?
Мелодии красивые?
Они, как всё «советское»,
Простые и счастливые.

Когда-то, вдохновлённые,
Мы любим их по-прежнему:
И Золушку влюблённую,
И трубадура нежного.

И музыкантов Бременских,
И песенку фонарщиков,
О свете ярком грезящих,
И танец поливальщиков…

Куплеты компанейские
Мы пели на всю улицу,
А песенки злодейские
Нас заставляли хмуриться…

Лилась каникул музыка,
В душе будя прекрасное,
Хоть не всегда на улице
Погода была ясная…

ОШИБКА ДЯТЛА

Отмахнув занавесок накидку,
Я на кухне окно открываю:
Небо синее, как на открытке!
Запах утренний летний вдыхаю…

Электрический столбик напротив
От ветров покосился устало.
Он и не был особо устойчив,
Хоть и был целиком из металла…

Вдруг я вижу чудесную птицу:
Ярко-красный наряд так и манит!
И на столб она сразу садится,
И давай по нему барабанить!

Это чудо сидит очень низко,
О железо свой клюв разбивая…
В первый раз вижу дятла так близко:
«Перестань, дурачок! Умоляю!»

Стихло всё. Обнаружив ошибку,
Он в раздумьях сидел, озираясь,
На лице моём вызвав улыбку…
А потом — улетел. Не прощаясь.

ПРИВЕТ ИЗ ДЕТСТВА

Решение больших проблем
Вдруг неожиданно нашлось,
И лето, будто насовсем,
С везением переплелось.

В такси, довольная, сажусь,
С водителем приветлива,
Поездкой лёгкой наслажусь
Я весело, кокетливо.

Навстречу улицы летят —
Нет пробок. И зелёный свет.
Взлохматил волосы сквозняк,
Из детства передав привет.

И повернулось время вспять,
И снова будто мне лет семь —
Поёт по радио опять
Великолепный Джо Дассен…

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Курорты стали недоступны,
И ценник дьявольски возрос,
Зарплат не будет больше крупных —
И как морской решать вопрос?

Купаться я люблю настолько,
Что всё б за это отдала:
В глубинах моря синеоких
Я поселиться бы могла.

Но нет морских царей знакомых,
(И денег, кстати, тоже нет).
Купаться буду в водоёме,
Любимом с пионерских лет.

И солнце будет сыпать блёстки,
Чтоб мягкости воде придать,
Из-за железа слишком жёсткой,
Ну, если можно так сказать.

Не нужно больше ваших Греций!
Я окунусь в янтарность вод
Водохранилища на ГРЭСе —
Мне хватит этого на год!

НАТАЛЬЯ УСОВА

ЛЕТО

Мне солнце облизало плечи
Своим шершавым языком
Прощай зима! До скорой встречи!
Оставь метели на потом.
В бокалы лето наливает
Своё зелёное вино,
О чём-то птаха напевает
В моё открытое окно.
И кажется, что будет вечным
Чуть захмелевший этот мир,
И зайцем солнечным, беспечным,
Хочу попасть на этот пир!

АВГУСТ

Малина переспела и пьянит,
Вот лето проскочило свой зенит,
Мелькнула проседь в кудрях у берёз,
А по утрам в траве всё больше слёз,
Мелеет речка, брега обнажены,
Всё ярче по ночам холодный блеск луны
И запахи, и неба просинь
Тихонько намекают: «Скоро осень…»

ЛУЖА

Он крикнул: «Мама! Море! Море!
Какое же тут море, посмотри!
Оно такое тёмно-голубое,
На нём плывут большие корабли!»
«Не подходи! Ведь ты итак простужен!» —
Мальчонку мама за рукав взяла.
Заносчиво блестит большая лужа:
«Хоть на минутку морем побыла!»

ИЮНЬ УМЫТЫЙ, МОЛОДОЙ...

Июнь умытый, молодой,
Салатово-зелёный.
Он жёлтый, синий, голубой,
Он сам в себя влюблённый.
Июнь, торопиться трава
И пьёт дожди косые,
Берёзы в нежных кружевах,
Как девочки босые.
Черёмуховый аромат
Мне голову закружит,
А тополиный снегопад
Дороги все завьюжит

ЖЕРЕБЁНОК

Настоян воздух на берёзе,
А травы соками полны.
Ночные ливни лили слёзы,
То были — проводы весны

Без акушерок и пелёнок
Не поспешил, не опоздал,

Родился в поле жеребёнок,
Об этом только ветер знал.

Вскочил на ножки он упрямо,
Хоть с миром был едва знаком.
Его заботливая мама
Кормила сладким молоком

Родной табун их встретил ржаньем,
Едва завидя в вдалеке,
Вставало солнце утром ранним,
Туман струился на реке.

Среди друзей своих беспечных
Резвился милый стригунок,
О том, что время быстротечно
Подумать он никак не мог.

Склонилась нива золотая,
Дрожит осиновый листок.
Всё реже птиц весёлых стая
Торопит солнце на восток

А где же наш четвероногий?
Как тяжело его узнать,
Окрепли тоненькие ноги,
В движеньях появилась стать.

Не знает устали он в беге
Отважен, быстр и шаловлив.
Воспитанный в природной неге
Он не по-детски стал красив.

Прошла зима, за ней и лето
Как прежде, шелестит листвой.
Наш жеребёнок тоже где-то
Пасется, лакомясь травой.

ДЕРЕВНЯ. АВГУСТ

Деревня, утро, август, Подмосковье,
Заря, туман, рассветные часы,
Заливы петухов, мычание коровье,
Поникшие цветы, холодный блеск росы.

Вороний гвалт, кузнечиков молчание
Шиповник зреет, яблоки в траве
И первый солнца луч, как обещание,
Что нету лучше места на Земле!

ЧТО ЖЕ ТЫ ГРУСТИШЬ, КОРОВА?

Что же ты грустишь, корова?
Ты наверно, не здорова?
Нет, здорова я вполне,
Просто стало грустно мне,
Мне приснился летний луг —
Зелено, тепло вокруг,
Одуванчики, ромашки,
Шмель жужжит в медовой кашке,
А проснулась — у сарая
Только вьюга воет злая!
Не грусти, моя корова,
Солнышко пригреет снова,
И с подругами опять
Ты на луг пойдёшь гулять!

ВЕТКА ОТОГРЕЛАСЬ У ОКНА

Ветка отогрелась у окна,
Осмолились и набухли почки.
А сегодня утром показалось мне,
Что я вижу первые листочки.

И стоит она, как вызов февралю,
Свысока глядит на серые метели.
Ветка, я тебя благодарю,
Ведь душой уже живу в апреле.

Расстелил февраль белые холсты,
Показалось, нет ему предела.
Серые дома, белые мосты,
Серые следы, серое на белом.

Я губами тихо прикоснусь
К этим маленьким посланцам лета,
И от сна холодного очнусь
В царстве радости, тепла и света.

БЕЗ РУК

Был серый день, мелькал экран,
И я узнала вдруг,
Что где-то женщина живёт,
Что родилась без рук,
Без рук она растила дочь,
Копала огород,
Писала письма жениху,
Сжимая с ручкой рот,
Без рук она пекла блины
И штопала бельё,
Ни в ком не видела вины

За тяжкое житьё...
Короткий кончился сюжет,
Мне стыдно стало вдруг,
За то, что не хватает нам её умелых рук!

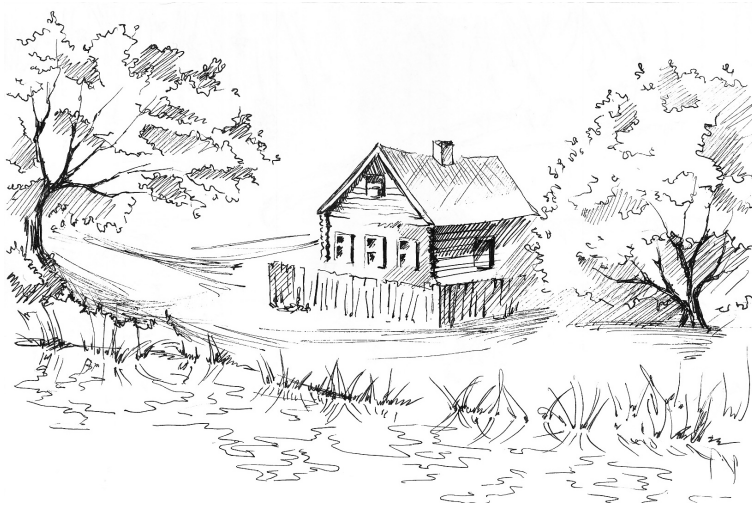
СКАЖИТЕ МАМЕ ЛАСКОВОЕ СЛОВО

Скажите маме ласковое слово,
Ведь так оно необходимо ей,
Спросите, как жива и как здорова,
Кто, кроме мамы может быть родней.

Скажите маме ласковое слово,
Так просто, без причины, невзначай
И повторите его снова,
Когда на кухне пьёте с нею чай.

Скажите маме ласковое слово,
И не сочтите это за пустяк,
Ведь сделать всё для вас она готова,
Без мамы в этом мире всё не так.

АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВА



СЧАСТЛИВАЯ

Я от жизни не требую много —
Я счастливой иду по земле.
Пусть беспочвенной будет тревога
За достаток на каждом на столе.

Довелось мне в деревне родиться...
Хоть давно человек городской,
Я хочу, чтоб родилась пшеница
На полях у деревни родной...

Пусть так будет по всей России —
Детским ножкам по травке ступать.
И ещё — урожаи большие
Было чтобы кому убирать...

О ДОЖДЕ

Прибежал, молодой. Суетливый,
Тонкой дробью в окно постучал.
И прохожей девчонке игриво
О своей любви прошептал.

Смыл пылинки с листочков берёзы,
И, как праздник, которого ждёшь,
Не скрывая от радости слёзы,
Мне в объятия кинулся дождь.

ЖИВАЯ ВОДА

Это в сказках — живая водица,
А по жизни несу я мечту,
Чтоб как в детстве вволю напиться
Из колодца в заветном саду.

Звук цепи после бденья ночного
Нас будил как малиновый звон.
Как наказ чудотворца святого,
И могуч, и всесилен был он.

Да откуда мне сила даётся,
Чтоб смеяться, и петь, и любить?..
Мне б водички святой из колодца,
Чтобы силы мои подкрепить!

ГУСИНЫЕ ЛАПКИ

...Не носила плетёные лапти,
Колоски собирать — не мне.
Мы с получки «Гусиные лапки»
На шесть кучек делили в семье.

На покос — молоко по бутылкам,
Да картошинки в кожуре.
С необъятною радостью пылкой
Нам работалось на жаре.

И стожок из травинок душистых
Был венчанием всех трудов.
Сколько лет пролетело мглистых
И пропало во тьме веков!

Но мне снятся плетёные лапти,
Сенокосного детства смех.
И конфеты «Гусиные лапки»
Я, как прежде, делю на всех.

НЕ ОПОЗДАЙТЕ

Все мы просто взрослые дети,
И, как дети, мечтаем о том,
Как когда-то нас снова встретит
Милый сердцу Родительский Дом.

Добрый взгляд сквозь оконные рамы,
Это нас наши матери ждут.
Губы сжаты в надежде упрямой:
Вот окликнут. Вот позовут.

И в толпе на районном вокзале
Ищут цвет наших платьев и кофт.

И пускай ничего не писали,
Вдруг приехали так, без звонков.

Сколько их, этих взглядов тревожных,
Научившихся верить и ждать?
Неужели это возможно:
Обмануть их, слукавить, предать?

То не ставни стучат одиноко,
То не шифер стучит по избе.
То состарились мамы до срока
От тоски. По тебе и по мне.

Дети! Мамам своим позвоните!
Отложите любые дела,
Чтобы не опоздать, поспешите
Им вернуть каплю их же тепла!

ОБНИМАЮ КОЛОСЬЯ ПШЕНИЦЫ

Обнимаю колосья пшеницы,
Припадаю к маме-Земле.
Счастье было — в селе родиться,
Хлеб увидеть не на столе.

Мне беречь завещано память
Земляков, что растили хлеб.
Дорожить и беречь, как знамя,
Ценность хлеба десятки лет.

Пусть та нива священной будет
Для моих ли, чужих детей.
И они понесут наши людям
Свет родимых, пшеничных полей.

НОЧЬ, СЛОВНО ТКАНЬ...

Ночь, словно ткань из закрученных ниток —
Разного цвета и разной длины.
Через бессонье о том, что прожито,
В память приходят ушедшие дни.

Серая пряжа в ней — будни разлуки,
Ветры шальные дорог и тревог.
Солнечный цвет — в нём сплетаются руки
Для появленья волнующих строк.

Нитки — как розы — детей появленье —
Вера, надежда, любовь и тепло.
Ночь пролетела, пришло вдохновенье,
Боже, спасибо, что снова светло́!

ОБЕРЕГ

Стук колёс, километров бег,
Мыслей хор, как в прекрасном сне.
Голос твой, как слова-оберег,
Да помогут в разлуке мне.

И, готовясь ступить за порог,
Слышу я при рождении дня:
Пусть тебя охраняет Бог,
И согреет любовь моя!

Жизни нашей сплетается нить
В паутину с названием «век».
Очень просто на свете жить,
Если рядом такой человек.

ХОЧУ ДОМОЙ

Снова ссорюсь я с белой ночью,
И подушка не ладит со мной.
Ваня-Ванечка, милый браточек,
Я в деревню хочу.
Домой.

Не хочу на Канары и в Сочи,
Всех святых об одном молю,
Чтоб вернуться с тобою, браточек,
В дом наш старый, на самом краю.

И ступить на крыльцо в три ступени
Да в раскрытую настежь дверь,
Чуть пригнувшись, зайти сразу в сени,
Как в раскрытую бездну потерь.

Дверь не сразу откроешь в избу,
Как и мысли, она тяжела.
Отдала бы я маме полжизни,
Если б только помочь смогла.

Мы теперь уже знаем сами
Смысл фразы — «детей растить».
Мама-мамочка, милая мама,
Ты прости нас.
За всё прости...

Я ДАВНО НЕ ЖИВУ В ДЕРЕВНЕ

Я давно не живу в деревне,
Мне деревня приходит во сне.
Мысль о ней, что напиток пенный,
Зажигает огонь во мне.

Я давно пешком не ходила
Из чужой деревни домой.
И коровушку не доила,
Не гоняла на водопой.

Управляюсь я с коромыслом,
И качаются два ведра…
Годы, месяцы, дни и числа —
Вот ночей бессонных пора.

Я давно не живу в деревне,
В той, где детство прошло моё.
Нет вопроса сейчас плачевней:
А живу ли я без неё?

ОТКРОВЕНИЕ

Откуда моя доброта?
Да я же девчонка с Урала.
Другим помогать — мечта —
Сегодня реальностью стала.

Откуда моя простота?
С какого она истока?
Это предком моих черта
Мне перешла издалёка.

Откуда все корни мои?
Исканий и творчества жажда?
Да я ж из крестьянской семьи,
Что вывела в люди однажды…

***

Я, босая, иду по земле
Без стыда, без сомненья и боли.
Знаю хлеб, когда он на столе,
Знаю хлеб, когда он в чистом поле.

Работящие руки отца,
И — похожие — руки брата.
Это руки кормильца-творца,
Что не просят за службу награды.

Я, босая, в отцовском селе.
Там бываю, как раньше и было.
Пусть отца уже нет на земле,
Мне Земля отдаёт его силу…

ЕГОР ЕЛИСТРАТОВ

БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ

Ясный день, солнце радостно светит,
Шмель жужжит, опыляя цветок.
Лёгкий, летний, заботливый ветер
Винограда качнул завиток.

Нежной корочкой мясо румяня,
Разошёлся мангал не на шутку.
И от запахов трав, словно пьяный,
Наслаждаешься каждой минуткой.

Рядом лица, знакомые с детства,
И спокойной беседы течение.
В ритме вальса работает сердце,
Всё на свете имеет значение!

ДУНОВЕНИЕ

Снова ветер-художник рисует круги
на воде с упоением.
Муза тихо стоит на прибрежном песке,
чтоб дарить вдохновение.
Неба синего ширь с голубою водой
в тех глазах отражаются.
Ничего не заметит прохожий простой,
а поэты влюбляются.

Ветер тайн не хранит и в густых волосах
прядью пишет послания —

Как мечтает она позабыть о делах
и пойти на свидание,
Как расписан весь день по часам
одиночества крупными точками...
Я, как ветер, легонько касаюсь её
дуновением — строчками...

ДОМ НА ВОДЕ

Задыхаясь в пыли городов,
Погибая в безличии стен,
Оказаться хочу без оков
И дождаться в судьбе перемен.

Я построю свой дом на воде,
Где по глади летят облака,
Где свобода струится везде,
Что-то ласково шепчет река.

Вдалеке от больших городов
Вспомню радость цветущего дня,
Среди буйства зелёных ковров
Осозна́ю, что жизнь — для меня.

ЛЕТНЯЯ ПРОГУЛКА

Солнце окрасило зеленью лес,
И улыбнулась река.
Яркая синь бесконечных небес
Выкупала облака.
Лето чарует своей красотой,
Дарит букеты цветов.
Птицы сплетают мотив непростой
В музыку сотен певцов.

Я не устану по лесу бродить,
Чувствуя волны тепла.
Лето свободой спешит одарить.
Жизнь расцвела!

ВЗГЛЯД В ДЕТСТВО

Множество сокрытых и чудесных тайн
Разгадали в детстве смелые умы.
С другом отыскали городской фонтан,
Рассмотрели звёзды — хоровод луны.

Летом тёплым — речка и любимый парк,
Где в траве шныряли юркие ежи,
Сотни тонких нитей солнца средь дубрав.
Звонко прерывали тишину стрижи,

Запах сочных листьев бередил сердца…
Ввысь взгляни и в небе птиц пересчитай.
Как же я мечтаю видеть без конца
Множество красивых и чудесных тайн.

НЕЗНАКОМКА

(По картине Анатолия Курникова «Незнакомка. В час ленча»)

Незнакомка, незнакомка,
солнце плещется в стакане.
Ветер ласково целует пряди черные волос.
Ты сидишь за летним столиком
в любимом ресторане,
Море шумное прибоем
шепчет каверзный вопрос:
Сколько дней таких погожих
взгляд томиться будет грустью?

Как заманчивое счастье отыскать тебе верней?
Незнакомка, незнакомка,
летний вечер не упустим
И из слова «незнакомка» удалим частицу «не».

ОСТАНОВИСЬ НА МИГ

Как часто мы не видим красоту,
Глаза души проблем закрыли шоры.
Живём и любим в спешке, на бегу
И наступаем на ноги партнёрам.
Как часто мы не видим красоту!

Остановись на миг и оглянись:
Перед тобою мир рассыпал краски.
Взгляд звёздами одарит неба высь,
И ветер в поле вдруг затеет пляски.
Остановись на миг и оглянись.

Прислушайся, и мир тебе споёт
Птиц щебетаньем, шорохом травы.
И жизнь сегодня новый день начнёт
С сердечно-скромной, радостной главы.
Прислушайся и мир тебе споёт...

ВЯЧЕСЛАВ САЗАНОВИЧ

ИДУ СЛУЧАЙНЫМ ВИЗИТЕРОМ

Я в этом городе чужой.
Взяв одиночество в партнеры
По неизвестной мостовой
Иду случайным визитером.

Березы чувствую я взгляд,
Смущенно скрытый под косицей.
И обо мне в листве галдят
Заинтригованные птицы.

Чуть впереди кирпичный дом
Скамью воткнул перед подъездом.
Но даже он своим окном
Следит за мною с интересом.

Дорога скоро в бок вильнет,
Лоснясь под солнцем иллюзорно.
И мне вильнуть с ней в поворот
Совместно будет не зазорно.

Что поджидает по пути?
Места и таинства какие?
Кого смогу еще найти,
Бродя по городу впервые?

Гулять осталось ровно час,
Потом уеду я отсюда.
Но, все же, чувствую сейчас,
Что здесь чужим уже не буду.

И если я сюда судьбой
Еще раз выброшусь спонтанно,
То вновь увижусь с мостовой
Я словно с другом долгожданным.

КЛУМБА С ГВОЗДИКОЙ

Не то, чтобы очень-то старая,
Но все ж таки не молодая,
Скамейка стояла усталая,
Дощечки к земле пригибая.

Не то, чтобы очень домашняя,
Но, так же, не будучи дикой,
Ворона глазастая, каркая,
Ходила по клумбе с гвоздикой.

Просыпались градом пригоршнями —
Но, как-то совсем и не кучно —
Колючие с неба горошины
Из тела замученной тучи.

И было не очень-то холодно,
Пускай и не очень-то жарко.
Блистали расплавленным оловом
Дорожки, ползущие в парке.

И мне, на скамейке потресканной,
Под градом, с ожившей гвоздикой,
Сиделось не то, чтобы весело,
Но, все же, уже не тоскливо.

***

Неделю льется вниз вода
Из тучепро́водного крана.
А не найти ль нам, господа,
В тайге надежного шамана?

Пускай берёт хоть барабан,
Хоть бубен вместе с лапкой зайца,
Но закупорить ржавый кран
Он крепко должен постараться.

Куда ни глянь — кошмар кругом,
Одна болотная картина.
И в ней процеженным рядком
Дома по пояс ввязли в тину.

Долой дожди! Потоп долой!
Долой природное проклятье!
Шаман, ты кран скорей прикрой
Непромокаемым заклятьем!

Ты примани ещё скорей —
Ты ж чародей, тебе не трудно —
К нам череду бестучных дней,
Совсем бестучных, абсолютно!

Ну, а сейчас, шаман, иди!
Колдуй, как нужно вам, шаманам,
Чтоб лить закончили дожди
Из тучепро́водного крана.

ЗДРАВСТВУЙ, СВЕТЛАЯ ПОЛОСА!

Здравствуй, светлая полоса!
Я дождался тебя, слава богу.
Вижу вновь, как блестит роса
В подорожнике у дороги.

Темень спряталась за спиной,
Оборачиваться не буду.
Я иду по траве босой
Прямо к солнцу — дневному чуду.

Перед носом промчался шмель —
Признак мёда, тепла и лета,
И того, что попасть в метель
Не смогу я в походе этом...

Здравствуй, светлая полоса!
Протянись ты, как можно дольше!
Темнотой у судьбы глаза
Ослеплять не желаю больше.

КЛОЧКИ ОБОДРАННОЙ АФИШИ

Клочки ободранной афиши
Поникший столб к себе прижал.
Он фонарем скрипел чуть слышно.
Был тихий полдень, столб дремал.

Во сне своем он видел грезы,
Где сам со сцены выступал,
Где, еле сдерживая слезы,
Рукоплескал ему весь зал.

Он был всемирно популярен,
Был театральной он звездой,

Встречал по свету, регулярно
Фотопортрет блестящий свой...

Чуть знойный полдень, столб поникший
К груди прижал, не оторвешь,
Клочки ободранной афиши,
Цена которым — медный грош.

БАБОЧКА КАПУСТНИЦА

Бабочка капустница снежно-золотистая,
Легкая, игривая, светлая и чистая —
То уходит в облако, то к траве снижается,
То полетом ломанным к розам устремляется...

В крыльях этой бабочки мысли отражаются —
То с земли уносятся, то с небес спускаются.

***

Сгорбились фонарные столбы,
В землю уперев стальные ноги.
Им, по воле матушки-судьбы,
Замереть приказ был у дороги.

И они с безмолвием стоят,
Взглядами машины провожая.
Лишь глаза задумчиво блестят,
Тени над асфальтом разгоняя.

Осознать мечтают с высока,
Почему, в клубах дорожной пыли,
Чья-то суетливая рука
Гонит вдаль поток автомобилей.

Но попытки тщетны. Так стряслось,
Что и человек не разберется
В поисках ответа на вопрос —
Почему спокойно не живется?

ЛУНА

Ты читаешь, наверное, книжку
За столом у большого окна.
Ночь пришла совершенно неслышно
И безветрием тихим скромна.

Дом соседский уснул в треуголке,
Уперевшись в поленницу дров.
Липа, рядом с сопящею елкой,
Видит множество липовых снов.

Кто-то ярких горошин пригоршни
Вклеил прочно в небесную ткань
И измятой лесною гармошкой
Очертил горизонтную грань.

Ты, наверное, книжку читаешь,
Выливается свет из окна...
Ты читаешь, сидишь и не знаешь,
Что зажглась в твоем доме луна.

И безумие лунного света
Я желаю изведать до дна —
Ты мое лучезарное лето,
Моя лучшая в мире мечта!

Я хочу, чтобы свет из окошка
Для меня запылал маяком,
Освещая при этом дорожку
Ту, что в твой пробирается дом.

Верю я, ночью точно такою,
Что вновь будет тиха и скромна,
Я ворвусь в этот дом и с тобою
Насовсем обнимусь у окна.

В ЭТУ НОЧЬ ЗАГЛЯНУЛА МУЗА

Лик ещё её скрыт вуалью
Из материи светло-русой.
Интересно, ко мне какая
В эту ночь заглянула Муза.

Сколько лет ей? Она юна ли?
Может, сморщенная старушка?
Что ей ближе — тоска с печалью?
Или счастью она подружка?

А глаза? А глаза невинны?
Шляпа взгляд её прикрывает.
Что в них? Голый песок пустыни?
Или солнце огнём играет?

Всё! Довольно! Я сброшу на пол
С Музы всё, что считаю лишним —
Плащ тяжёлый, вуаль и шляпу.
И какая она — увижу.

Ждать чего мне от Музы-дамы
Разберусь я потом дословно —
С трагедийным финалом драму
Или целый роман любовный.

ЕВГЕНИЙ МАКСИМОВ

«ВСЁ РАСЦВЕЛО... И ЛЕТА ЗВУКИ...»

Всё расцвело...
И лета звуки
разлились по земле.
Тревоги сердца,
страсти муки
поулеглись во мне.

Настало счастье —
Лето!
Желанная пора!
Я весь —
в объятьях света.
По площади двора
гуляю...
Жду ответа
у птиц
с зелёных веток.
Их голосом с утра
земная жизнь воспета:
до сути, до нутра,
свободная —
без клеток.

И снова детвора
на воле веселится.
Их чистый,
нежный нрав
по воздуху струится.

И светятся их лица
наивностью добра.

Кто юн,
тот вечно прав.
И нечем тут гордиться.
Всю теплоту вобрав,
их счастье
пусть продлится.

2021

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРНИЦА

Июнь.
Закат...
Вечерняя зарница.
Простерла крылья —
неба горна птица,
Что одолеет
все его границы.
Она — без страха.
Мрака не боится.

Уйдёт.
И завтра
воротится.
Но больше так
не повторится.

На каждый миг
у времени —
страница...
А в ней —

своя,
своя любовь
хранится.

2021

ИЮНЬ

Июнь в тополином пуху
Стелется под ногами,

Вихрями и кругами
Сонно плывёт на ветру.

Словно оживший снег
Весело куражится,

Как мифический Зевс
И его колесница.

Ляжет на чьём-то пути
Лёгким воздушным слоем…
И вот опять летит…
Сказочен и покоен.

Точно морской коралл
В летнем море июня.
Что ему штиль и буря,
Иль острие скал…

Бело-игривым огнём
Радостно к небу взовьётся,

Тут же к земле понесётся
Ласковым, нежным конём.

В нитях густой травы
Он незаметно скрадётся,

Среди чудес мировых
Вряд ли такое найдётся…

1996, 2020

ИЮНЬСКИЙ ВЕЧЕР

Цветущей рябины запах
В воздухе хладном висит.
Солнце в небесных лапах
Жёлтым огнём горит.

Бледным,
Поблекшим пухом
Лёг с тополей ковёр.
Еле заметным духом
Вечер раскрыл шатёр.

С узкой полоской света
Тёмная бродит тень.
С нею крадётся лето
И угасает день.

Больше не режет ухо, —
Стих суетливый шум.
Разум, уйдя от слуха,
Ищет покоя дум.

В сумеречных аллейках
Разный гуляет люд.
Или сидят на скамейках. —
Новые планы вьют.

Так протекает время,
Вечер уносит прочь.
И зажигает свечи
Севера белая ночь…

2021

«ПРИРОДА — ЕСТЬ ПРИЧУДЛИВЫЙ ХУДОЖНИК…»

Природа — есть
причудливый художник.
Я потрясён картинами её.
Душа моя —
колеблемый треножник,
у ней одной
покой себе найдёт.

И пусть Земля летит.
И пусть Река течёт.
Добро лишь — победит.
А зло и ложь умрёт.

Природы Чистота
И Царства её пожни,
Где мира Красота:
Свет истин непреложных, —
Единственный наш Путь
И верная подмога.
Вселенской жизни — суть.
Истолкованье Бога.

И пусть Земля летит.
И пусть Река течёт.
Добро лишь — победит.
А зло и ложь умрёт.

2021

НА РЫБАЛКЕ

(Хитрый клёв)

Сижу на рыбалке,
считаю самолёты.
И пока рыбы нет,
смотрю на их полёты.
Вот уж седьмой летит
одним и тем же курсом.
С юга на север:
направление — Сургут.
Запасся я
терпения ресурсом.
Здесь даже чайки
так мальков не ждут.

Ату!..
Клюёт карась!..
Хитро и ловко
он водит снасть
в озёрной глубине.
Я жду —
Про всё забыв.
Подсечь его
готов, как
вдруг...
— Тяну!..
И срыв...

И так
досадно мне,
что вся моя
лихая подготовка
досталась рыбе
в томной тишине.

2013, 2020, 2021

ДОЖДЬ

Дождь
барабанит по окнам.
На улице
снова мокро.
Небо
закрыто фронтом
серых,
холодных туч.

Дождь
барабанит по стёклам.
Лето не будет тёплым.
Сколько воды ещё,
сколько?..
Ты приходи ещё
только —
яркий солнечный луч.

2013, 2021

ГАЛИНА ИЛЬИНА

АХ, ЧТО ЗА ЛЕТО

Ах, что за лето! Клевера́ — коврами
И донников пьянящий аромат…
Что лентой бело — солнечною в дали
Уносятся — догнать не может взгляд.
Ромашки — хороводами по травам,
Подмигивая жёлтеньким глазком,
И даже колокольчик спозаранок
Подставил венчик солнышку бочком.

Да нет; всё это не в Башкортостане
Где разноцветье видеть не впервой.
На Севере, приравненном ко Крайнему,
Сургут — красавец нынче таковой!
Всё одновре́менно: и аромат сирени,
Что бьётся с шести соток местных дач,
И ландыши, жемчужною капелью
Рассыпаны, а их сосед — кедрач.
И не хватает слов, чтоб рассказать про лето,
Что закружило пёстрым шлейфом, понесло,
Смешав тепло, дожди и тишину рассветов,
В великолепное Природы торжество!

14.07.2020

ПРЕДГРОЗОВАЯ

То туча — за́ гору,
То — к нам, из-за горы́.
И напугав,
Но не пролив ни крохи,
Вернулась во владения свои
На сон. Калачиком
свернулась до зари,
Смирив предгрозовы́е вздохи.

То ветер налетел
Под бриз морской,
Улёгся ти́хонько
У самой кромки,
И словно добрый пес,
Давным-давно родной,
Согрел дыханьем ноги.

На сцену туча
выступает вновь
Да в новом облике,
Преобразившись ловко.
И кажется, за этою горой
У тучи театральная гримёрка.

Рассыпал берег
сотни фонарей,
И тут же море
Их мильонами гарцует.
Играя зыбью,
Светлячки огней
Безудержно «цыганочку» танцуют.

13.06.2021

БЫТЬ ОБЕРЕГОМ

Мне много лет, и я иду вперёд,
Не зная, сколько их ещё отпущено…
Спасибо Господу, что Свет его идёт
На мысли, на дела и мою душу:
Плутать не позволяет в темноте
Из сплетен, склок и неуёмной мести,
Указывая праведность путей
Под флагом вечным доброты и чести.
Немало мудрости в любимом языке
(Пословица народная нетленна):
В чужом глазу соринку разглядеть
И не увидеть в собственном полена.
Чем вороха́ обид в душе копить,
Сбирая их повсюду, где попало,
Не лучше ли гордыне наступить
На взра́щеное целой жизнью жало.
Неужто мало испытаний, бед?
На стороне всё ищем виноватых!
И по пословице: сбираем тот букет,
Который сами сеяли когда-то.
Так пусть Божественный идёт на судьбы Свет
Детей и внуков — в нашей это власти-
Даря любовь и мир, добрый совет,
Быть обере́гом их семьи и счастья!

21.04.2020

ОТДОХНУТЬ ОТ КАНИТЕЛИ

Давно не нюхала ромашек,
Не обнимала стог душистый,
В сияньи солнца под листвою
Берез — подружек не кружилась!
И с ветром шалым не врывалась
В лугов цветастые просторы,

Как будто в холода сургутские
Душа моя была закована.
Махну-ка я в деревню нашу
Иль под Тюмень, пожалуй, ближе.
Пройдусь, быть может, краем пашни,
Земли дыхание услышу.
Обрадуюсь Весне звенящей,
Ручьям бегущим и капели!
Подумаю о НАСТОЯЩЕМ
И… отдохну от канители.

21.02.2020

КОРАБЛИК СЧАСТЬЯ

Кораблик Счастья подошёл к вашему берегу,
Такой весёлый, добрый, солнечный, приветливый!
Вы наполняйте паруса Любовью, Нежностью,
И он по Жизни повезёт,
Да, да по Жизни повезёт,
Прекрасной Жизни повезёт
Вас очень бережно.
Так жизнь устроена и не поспоришь с ней:
Нам рано-поздно ли любимые встречаются,
Находят две родных Души друг друга средь людей.
Ведь, говорят, все браки в Небесах свершаются!
Кораблик счастья вас берёт с собою в плаванье!
Вы берегите от штормов его, и главное
Им управлять возьмите Мудрость капитанскую,
Заботу, Преданность и Уваженье с Лаской.
Пусть смехом детским его флаги развеваются!
Пусть всё задуманное вами исполняется!
Жизнь не простая штука и не очень гладкая:
Смотрите в одну сторону,
Держитесь вместе за руки,
Держитесь крепче за руки —
И будет всё в порядке!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Как странен мир вокруг, и люди суетятся,
Спешат куда-то, ускоряя бег.
Подумать некогда и некогда смеяться,
Они устали, видно, от забот и дел.
Из це́пей холода Весна к свободе мчится,
Из спячки зимней вздрогнула трава,
Теперь влюблённым по ночам не спится,
А виновата — юная Весна.
Вы только на мгновение замрите,
Без спешки, на секундочку одну,
В руках своих немного подержите
Синь неба или просто тишину.
Подбросьте взгляд до солнечного диска,
Лицо подставьте солнцу и глаза,
Ветра дразните, не пугаясь риска,
Чтоб разозлилась дикая гроза!
Чтоб ливень бегал, на ходу теряя
Каскады брызг в потоке вешних вод,
Чтобы метался, сам не понимая,
Что, если он прошёл, то и Весна идёт!
Как важно видеть краски пробужденья!
Как важно слышать вздох земли сырой.
Ведь это всё природы день рожденья,
И мы его отпразднуем с тобой!
Подарком людям будет пьяный воздух
От горьких листьев тонких тополей,
Подарком нам — сияющие звёзды
Прекрасных майских бархатных ночей!

В НОВОМ СВЕТЕ. КРЫМ

В двух шагах от меня — небо!
В одном шаге от меня — звёзды!
В Новом Свете ты еще не был?
Приезжай! Здесь сбываются грёзы.
Две горы обнимают бухту:
Слева — «Сокол», «Орел» — справа.
Покачает на волнах море,
Словно в детстве на руках мама.
А по вечерам, с горизонта,
Поднимается луна апельсином,
И поёт акапелльно — звонко
Кто-то песню во весь голос, красиво.
В «Грот Голицына» тропинка проводит,
Хитрой змейкой добежит к «Царским пляжам»,
И захочется обняться с морем,
Искупаться в плюс одиннадцать даже.
Ты от су́етного мира отвыкнешь,
И покажется былое ничтожным —
В Новом Свете к Богу кажется ближе,
И ты счастлив даже в день непогожий.
В благодати необычайной
(В трёх шагах Храм Луки с перезвоном)
Вдруг почти руки касаются чайки,
Пролетая над открытым балконом…
Что ни день, то — полотно к вернисажу,
И оттенков повтор не ищите!
Продрожать? Да разве всё перескажешь.
Приезжайте! Удивляйтесь! Смотрите!

27.05.2021

Я ПРИЕХАЛА В ЛЕТО

«Нельзя научиться стать актёром,
педагогом, врачом. Им надо родиться»
Фаина Георгиевна Раневская

Посвящаю всем деткам игротеки
ГК «Новый Свет» и Машуле Куминской

Я приехала в Лето! Море, гор серпантин…
Снова детства планета открывает мне мир.
Ждали долго каникул средь дождей, долгих зим,
Чтоб в тепло окунуться под названием Крым
Сто вихрастых макушек, к ним — улыбок и глаз…
Путешествием в детство моя жизнь увлеклась.
Аниматор! И значит — воспитатель и друг,
И жилетка поплакать, если плачется вдруг.
Нас в весёлые игры закружил хоровод —
Очень неугомонный мой вихрастый народ.
Сто историй расскажут, где живут, как дела,
Все таланты покажут… Мир — открытый пока.
…Приоткроется дверца в мир их личный, а — тут!!!
НО… не каждому ключик свой секретный дадут.
Вот такое бывает неожиданно лето —
Кроме солнца и моря детством сердце согрето!

С высоты взрослых взглядов ты детей не познаешь.
Проникая в их души, ты тогда понимаешь:
С головой окунувшись снова в таинства детства,
Ту блестящую мудрость от Фаины Раневской!

ИРИНА ТОДОРОВА

***

Во тихом дворике не всё благополучно,
Во всём немая глухота…
Под роспись гаражей сподручно
Замучить чёрного кота.

Под крышами девичий гогот,
И пёс безродный и ничей,
И скорбный поднимает ропот
Стада надломленных грачей.

Так в лихолетье девяностых
России пробил скорбный час,
И череда смертей курносых
Постигла каждого из нас

Разруха, голод и гоненья,
Судьбою предопределено,
И безрассудное стремление
В Европу прорубить окно.

Так обозначились границы,
Вокруг сужается кольцо,
И мир безумный и безликий
Вдруг обнажил свое лицо.

***

Завтра да будет день!
Завтра да будет явь!
Царствуй же славный Ной,
Царствуй в своих гробах!

Солнца же медный горн
Не огласит беды,
И ледяной поток
Не оросит воды.

Будет темнее ночь,
Станут все реки вспять,
Каинством будет Русь
Авелей возрождать!

***

Слёзы мои, не роняйтесь!
Вас ли ещё не хватало мне,
Льдинкою сердце растает,
Станет большой проталиной.

В чьи-то глаза вольётся
Мощным потоком ревущим,
Станет таким резиновым,
Станет таким большущим!

ДРУГУ

Друг мой прекрасный,
Чёрный, как смоль,
Лаял ты тенорком,
Тихой походкой в дом входил
В мой, и ничей другой.

Нет у собаки паспорта,
Пропуском служит ей
Робкий собачий ласковый взгляд,
Розовой расти яд.

Я тебя жду, не скулишь у порога,
В дверь не скребёшь ногой.
Я обернусь… И увижу хвост
Твой, и ничей другой.

Да, мне понятен немой твой язык,
Тихо вильнёшь, прости…
Я наследил, поверь я не плут,
Просто собачий сын.

НОЧНОЕ НЕБО

А звёзды будут падать с неба,
И скорбные звучать ноктюрны.
Ночное небо без ответа…
Ночное небо пламень света!

В высоких войлочных котурнах
Шагает небо по вселенной
Оно красиво и смиренно
Буди ж сердца своей сиренью!!!
Голубизной и акварелью!

И сердце станет биться круче
От радости, а не от скуки
И мы протянем к небу руки,
И протанцуем тарантеллу!!!

Оно не будет слишком бурным
Оно не будет слишком светлым
Оно не будет слишком ясным
А будет трепетным приветным
И нам свои расскажет сказки!!!

У ЛУННЫХ ДЮН

Там, где пастух пасет стада,
У лунных дюн, где ворон стая,
Золотокудрого овна
По поднебесью разметало.

А следом беглая молва,
Скорбит и плачется о мифах,
А с неба сыплют кружева
Кружат белесые и сыплют.

***

Березы охали, стенали,
И код земной запечатлел,
Как под небесными парами
Рассвет сгорел…
Верь, он придёт,
Как гость непрошенный,
Из-за гранатовой скалы,
И в волосы сплетутся шалые
Туч необъятные шары.

***

Сияют розы в зеркалах
В серебряной струе,
Их синий отблеск на стенах
Кромсает беглый смех.

Витают в вальсе кружева,
Слагая белый стих,
И хлопьями кружит листва
И только для двоих.

ВАСИЛИЙ КОНЕНКОВ

ЗАПЛУТАВШЕЕ ЛЕТО

Заплутало лето, заблудилось.
Знать умчалось в дальние края.
Дорогая, что с тобой случилось,
Или ты теперь уж не моя?

От тебя давно известий нету,
И от этого страдаю я.
Без любви так тяжело поэту.
Ты одна-желанная моя.

Точно знаю, к нам вернётся лето,
Милую в объятья заключу.
Наша песнь Любви ещё не спета,
Радость на двоих делить хочу!

ПОЖЕЛАНИЕ ДАЧНИКАМ

К такому холодному лету.
Вам надо сто грамм и котлету.
Но лучше побольше тепла от природы:
Зелеными станут тогда огороды,

Малина начнет оживать и краснеть,
Собрать ее вовремя надо успеть.
Но лето коротко и смотрит на зиму,
Спешите «пахать», не тяните резину:

ЛЕТО

Появилась трава под окном,
Изумрудными сделались ветки,
Всё покрылось зеленым ковром,
Лето ставит везде свои метки.

Божьи птички все звонче поют.
На глазах природа оживает,
Это значит, что лето пришло.
И победной поступью шагает!

***

Там скалистые склоны в деревьях зеленых,
А с небес беспощадное солнце палит,
И стена без конца из камней этих серых.
Представляет собою сплошной монолит.

Хорошо отдыхать жарким летом на Кипре,
Красота здешних мест очень многих сразит.
А какая жара стоит в знойном Египте,
Там прохладой с лазурного моря сквозит.

Пусть лето другое, но есть в родном нам граде.
Не так уж много, может, солнца и тепла,
Живем неплохо мы, у нас все «в шоколаде,
А это, значит, жизнь такая нам мила…

АЛЕКСАНДР ЛЮБЯКИН

РУСЬ

Вознеслась над землёй церковь белая,
Золотые её купола.
Пахнет мёдом в лугах переспелая
Золотисто — льняная трава.

Я пойду по утру в церковь белую,
Помолюсь за былые грехи.
И с косою в траву переспелую,
На ходу сочиняя стихи.

Вжик да вжик, под рукою умелою,
За волною ложится волна.

Песнь заводит кузнечик несмелую,
Ах, какая вокруг тишина!

Запах свежего сена в лугах
Навевает легчайшую грусть.
Буду нежно любить я тебя,
Васильковая нежная Русь.

***

Спасибо, родная река,
К тебе я душою прирос.
Не надо мне берега юга,
Его кипарисов и роз.

Ты рыбкою делишься щедро,
На волнах качаешь меня,
Люблю я тебя бесконечно,
Не мыслю прожить даже дня.

Пусть волны твои много лет
Ласкают Сургута причал,
Ты мчи свои воды без бед,
Я лучше реки не встречал.

Ты ласковой можешь быть, бурной,
Но нравишься всякая мне.
Мосты твои сеткой ажурной
Сияют огнями во тьме.

Здесь буду я жить до кончины,
Тебя безответно любя.
Живущие все здесь мужчины
Всегда прославляют тебя.

***

Берёзоньки, любимые подружки,
Как хороши вы в белоснежных платьях.
Я вас ласкаю, это не игрушки,
Вы с детства в моих ласковых объятьях.

Я пил ваш сок, прохладный и пьянящий,
Для сердца родины вы родины печать.
И если ты, брат, русский, настоящий,
Спеши берёзоньку, как милую обнять.

СОН

Среди рябины полдень коротая,
Я вдруг увидел милые черты.
Как часто я от чар твоих сгорая,
Шептал порой: «Где, милая, где ты?»

Деревья от жары изнемогая,
Всё ниже клонят ветки на забор.
Из пенных волн выходишь ты нагая,
В глазах лукавых дерзость и задор.

И снова молод, грудь полна желаний.
Наши сердца вновь бьются в унисон.
Назвал бы тебя быстрой, стройной ланью.
Как жаль, что это был лишь только сон.

ЛЕТО УЛЕТАЕТ

Золотистым ковром укрывает
Осень землю родного двора.
Это лето от нас улетает,
А тепло ещё было вчера.

А сегодня нахмурилось небо,
Тучи чёрные, как моя грусть.
Словно радостных дней лета не было,
Жизнь уходит, ну, что же, и пусть.

Скоро в небе закружат снежинки,
Заметая твой призрачный след.
Я уже не грущу, ни слезинки
В моих синих глазах уже нет.

Жизнь земная свой бег продолжает,
Пусть морозная долго зима.
День придёт и душа вдруг оттает,
Это к нам возвратится Весна!

ИЮЛЬ

Лучи полуденного солнца,
Как сотни раскалённых пуль,
Все лужи выпили до донца,
Висит над городом июль.

И травы от жары линяют,
Сосна смолу, как слёзы льёт.
Вдруг ветер тучи нагоняет —
И во спасенье дождь идёт.

АЛЕКСЕЙ ГОРСКИЙ

ЧЁРНЫЕ ОДЕЖДЫ

Я одеваю чёрные одежды.
Я в трауре по умершей любви.
Что мир уже не будет больше прежним
И по безвинно пролитой крови.

По Пушкиным, что век не доживают,
Дантесы же до старости живут.
Я чёрные одежды одеваю,
Пока меня в дуэли не убьют.

Я одеваю чёрные одежды,
Скорбя по тем, кого давно уж нет.
По каждому без веры и надежды,
Я тоже одеваю чёрный цвет.

По тем, кто зло добру предпочитает,
Кто продал мать за стоимость наград.
По тем, кто героин употребляет,
Сегодня будет мрачен мой наряд.

И пусть все говорят, что я невежда,
И что за ночью следует рассвет.
Я одеваю чёрные одежды,
Для нашей жизни самый верный цвет.

ЖЕНЩИНАМ С БУКЕТОМ

Едва ли в состояньи я понять,
Тех женщин, что спешат домой с букетом,
В неимоверной радости при этом,
Как станут там цветы благоухать.

Их облачат в наряд из хрусталя,
Лелея взорами, касаясь лишь носами
Но те же руки выкинут их сами,
Цветы завяли — пухом им земля.

И так, порой, нелепо созерцать,
Как человек любуется букетом.
Цветы же — не любуются эстетом,
А продолжают в вазе умирать.

Я ПОКИДАЮ КРАЙ РОДИМЫЙ

Я покидаю край родимый,
Хотя прижился в нём душой.
Но это мне необходимо,
В столицу отпуск небольшой.

Вот самолёт, стальная птица,
Стрелой взмывает в высоту.
Ждём час, два, три, и вот — столица,
И лица в аэропорту.

Народу тьма, таксистов тыщи,
Покинул я аэропорт.
Сажусь в маршрутку, курс — в Мытищи
Родная тётя там живёт.

Гостеприимство — без вопросов,
Вино до шума в голове.

Её варенье с абрикосов,
И рой каналов по ТВ.

На этом путь мой не закончен,
И утром рано вновь вставать,
Чтоб в город Талдом — буду точен,
Дальнейший путь к родне держать.

Уж Талдом — город в Подмосковье,
Двоюродный встречает брат.
Он подготовился с любовью
Был «Клинским» стол его богат.

Но в волю только предстояло,
Мне с этим братом погулять.
Антон (так мать его назвала),
Собрался свадьбу затевать.

Я этой парочке влюблённой,
Оформить праздник помогал
Ходил к невесте (но с Антоном),
Шутил, да буквы рисовал.

На день их бракосочетанья,
Жених невесту выкупал,
А дальше — ЗАГС по расписанью,
Поездки, выпивка, привал.

Хотя и свадьба восхищала,
Но для меня всё шло не так.
Тоска, печаль одолевала,
Да в голове хмельной бардак.

Мне что-то сердце бередило,
Да только что? — не понимал.

Иль то, что в праздник был унылым,
Иль та, с которой танцевал.

Зачем покинул край родимый?
Ведь я прижился в нём душой.
Сердечной мукою гонимый,
Я, наконец, лечу домой.

КАКОЙ ЖЕ ВЕК У НАС НЕ ДЛИННЫЙ

Какой же век у нас не длинный.
Лишь только начал ты шагать,
Как жизнь прошла, и вот в долину,
Идёшь в долину умирать.

Отдал всю молодость отчизне.
Теперь не нужен никому.
И на закате этой жизни,
Ты словно в сумрачном плену.

Он всё сильней тебя сжимает,
Усмешкой и презреньем лиц.
Где огонёк твой догорает,
И тает в холоде больниц.

И смерть уже близка, но это,
Тебя нисколько не страшит.
Душа забвенного поэта,
Познав лишенья прочь летит.

ДО ЧЁРТИКОВ — ЗА ДАМ!

Нет, я не пью, меня не заставляйте,
Я даже в Новый год вином лишь обхожусь.
Ах, это тост за дам?! Что ждёте — наливайте!
За дам я сам до чёртиков напьюсь!

ЯВНО НЕ ПРОСТАК

Иду домой, на жизнь свою пеняю:
За тридцать уж, а девушки всё нет.
Женился друг, и всё на вид мне ставит,
Что холост, как учебный пистолет.

Вдруг девушка-красавица шагает,
В глаза мне смотрит — что-то тут не так.
Я ноги в руки — быстро убегаю
И озираюсь — вроде нет «хвоста».

Иду домой, манёвром восхищаясь,
Для них теперь я явно не простак.
И вновь ропщу — да что за жизнь такая!
Ни девушки, ни свадьбы, ни торта́.

СОВА И ЖАВОРОНОК ЗВОНКИЙ

Сова и жаворонок звонкий,
Однажды, встретиться решили.
Но выбрать дату поспешили.
Подвох скрывался в этом тонкий.

В период сумрачный и тёмный,
Свиданья час их был назначен.
Да только вышло всё иначе,
У нашей парочки влюблённой.

Ночной охотницей являясь,
Сова от промысла устала.
И пред свиданьем задремала,
Во сне лишь встречей наслаждаясь.

А что же жаворонок звонкий?
Он ранней птахою являлся.

И так упорно собирался,
Что сам остался в царстве сонном.

И даже в страсти неуёмной,
Когда им встретиться — не знают.
Сове не спится ночью тёмной,
А днём жених её порхает.

В МИРЕ СКАЗОК УЗРИ ИННОВАЦИЮ!

(Сказка о колобке в интерпретации)

В своих раздумьях колобок
По лесу не спеша катился.
Ему сегодня сон приснился,
Что был посажен он в острог.

Что всё при нём: есть тело, руки, ноги,
И, словно, он пират с большой дороги.
За произвол, тот будет всё ж наказан,
Готов палач, топор уж остр и смазан.

Проматерясь себе под нос,
Палач удар нанёс умело.
И голова простилась с телом,
Едва покинув сей помост.

Поверил колобок в тот жуткий сон,
Он волк морской и не был испечён.
Чем кончилось — известно вам, ребята
Лиса дозавершила казнь «пирата».

АЛЕКСЕЙ ТОМШИН

***

Писать о том, что вновь идут дожди?
Что капли нагло долбят по карнизу.
Ты не спеши всё высказать, ты жди.
Нельзя всё видеть сверху, можно с низу.
Такое открывается глазам...
И оседает навсегда. От стужи
Становишься взрослей не по годам,
Когда ты понимаешь, что не нужен.
Что боль твою понять никто не смог,
А может просто не хватило время.
У жизни много есть путей, дорог.
То сбруя может подвести, то стремя.
Уйдёт отряд, приказом окрылён.
Иль стая улетит, погодою гонима.
И остаёшься, чем–то обделён.
Потеря эта ничем не восполнима.
Ты руки подними, не опускай.
Держись, как сказано не раз — зубами.
Себя в погоне той не потеряй.
Умей любить и дорожить друзьями.

НЕБЕСНЫЙ ГАРДЕРОБ

Посмотришь на небо — бросает в озноб,
Какой же богатый его гардероб.
Но глядя в него мы искренне рады
Смотреть, как оно меняет наряды.
Не зря же бытует устойчиво мнение,

Узнать по наряду легко настроение.
А платье меняет оно ежечасно.
Угнаться за ним будет просто напрасно.
Да, что там за час, за минуту, мгновение
Меняется быстро его настроение.
Гневить «высочайшее» нету резона.
Нахмурится, выплеснет море озона,
Набросит перистые нити на платье,
Опустится низко и стиснет в объятьях,
Накроет вершины у гор величавых,
Запрёт на замок корабли у причала.
Но небо обычно быстро отходит,
Тогда-то ко мне эта мысль и приходит.
Крамо́льная мысль, но нет в ней секрета —
Люблю, когда небо совсем не одето.
О, как же прекрасна его нагота,
Порочности нет — глубина, чистота.
В наряде любом ты небо прекрасное,
Луна ли с тобой или солнышко ясное.

СКРИП СТУПЕНЕК

Вспоминаю часто деревеньку
И детство босоногого мальца.
Как скрипела жалобно ступенька,
Одна, у деревянного крыльца.
Дед её чинить не собирался,
Всё шутил: «Придёт её черёд.»
Если скрип за дверью раздавался
Это означало гость идёт.
Как не вспомнить лестницу — старушку,
Которая вела на сеновал.
Он меня и юную подружку
От дождя и любопытных укрывал.
Как она предательски скрипела
В тишине ночной, в свиданья час.

Словно по старушечьи хотела
Рассказать деревне всё о нас.
Нет уж дома, лестницы, крылечка.
Голос звонкий со временем охрип.
И всё чаще бередит сердечко
В памяти звучащий этот скрип.

ДЫРКА ОТ «БУБЛИКА»

Наесться дыркою нельзя.
И веса в ней ни грамма нету.
Но сколько вылиться, друзья,
Плохого может в дырку эту.

А «бублик» это всё терпел,
Весь груз грехов уходит в дырку.
Он оставался чист и цел.
Не оборвалась ценник-бирка.

И дифирамбы можно петь
Под фонограмму примадонны.
И «бублик» будет всё терпеть.
А дырке, что — она бездонна.

На край у «бублика» привстань
И сделай шаг — «Где черти дремлют?»
А там, ждёт чёрная пространь…
Или друзья тебя приемлют.

***

Таких, как я, рождается немного,
А о себе распространяться, просто грех.
Но обо мне вздыхали недотроги,
И у красавиц я имел успех.
Но жизнь ведёт отбор, и он жестокий,

И сколько б вон из кожи я не лез,
Я остаюсь, как прежде, одинокий
В наряде благородном или без.
Душа моя стремится к высшей точке,
И к жизни страсть стараюсь я продлить.
Но счастье своё вижу только в дочке,
Её мне невозможно не любить.

СКАЗКА «КОЛОБОК»

В избе, что на краю села,
«Крутая» парочка жила.
Дед с бабкою, в преклонных уж годах,
В достатке, при прикиде, при деньга́х.
А дедка тот и правда деловой,
Шурупил своей лысой головой.
Книжонка у него заветная была,
В которой должниками звались пол села.
И вот, настал желанный срок
Им получить от земляков должок.
Бабуля мигом по селу метнулась,
За кем, что было, то в мешок взяла,
И довольнёхонька вернулась.
Но, так как с наликом не густо у селян,
Взяла она должок натурой,
За что была обласкана шлепком,
Не зло обозванная дурой.
Ну, что ж натура, так натура,
Дедуля взвесил тот мешок
И строго наказал бабуле:
«К утру изладить Колобок!»
Бабуле два раза́ не надо объяснять.
И за работу та взялась умело,
И к вечеру готов был Колобок.
Но так как время подавать не подоспело,
Он был поставлен на шесток.

А Колобок, признаться, удался́ на диво —
Румяный и пахуч,
Ведь почитай, что с каждого двора
В него чего-нибудь да вложенное было.
Надёжной «крышею» была
Изба та на краю села.
Но стен квадрат, дверной замок
Не уважал крученый Колобок.
Лишь небо месяц осветил,
Покинул дом и покатил.
На счастье Колобка,
Не всё истратила бабуля,
Наполовину полный был мешок,
И Колобок мешок с собою уволок.
А за избою сразу в лес тропа вела,
Тая́ в себе загадки, все дела...

И покатил наш Колобок тропой.
А тут ему на встречу вдруг Косой:
«Привет чувак, давно у нас в лесу
Таких накрученных и лысых не бывало.
А, что в мешке то? Вкусно пахнет за версту.
И, если вам досталось что-то на халяву,
Не будь жлобом, не жмись,
А с ближним лучше поделись».
«В лесу недавно я, прокатом,
В буквальном смысле слова,
Но от сороки вашей слышал новость.
В лесу, мол, нашем, завелся стукачок,
А то, что-то не дятел, это точно.
Тот видишь ли садится на пенёк
И по нему стучит и день, и ночно.
Постой-ка братец, что-то ты косишь.
Не ты ли это там стучишь?»
И вымолвить он не успел то слово,
Как ветром сдунуло с пенька Косого.

И не успел наш Колобок очухаться чуток,
Под чьей-то лапой затрещал сучок.
И с Серым Колобок столкнулся носом к носу.
Подумал про себя:
«Хана, теперь не миновать допроса».
Предательски коленки задрожали.
(А вы волка́ когда-нибудь видали?)
«Привет братан, вот привалило счастье
Негаданно, нежданно, —
Погладил лапой Колобка, —
Откинулся недавно?»
И не с пустыми, вижу я, руками,
Давай делись и будем братанами.
А Колобок, не знаю как,
Но выдал вдруг такое…
«Придётся спать ложиться натощак,
Ведь у меня в мешке общаг,
А это знаешь сам — святое».
Волк почесал затылок меж лопаток
И молча на прощанье подал лапу.

В коленях сразу дрожь прошла
И плечи вроде шире стали.
Схватил наш Колобок мешок
И поминай его, как звали.
Бредёт извилистой тропой,
Озоном чистым дышит.
И тут из заросли лесной
Ему на встречу Миша.
В лесу ведь, как везде, полно понтов,
Ну, как зверятам без ментов.
Хоть Миша и отъявленный законник,
Беда в одном — Топтыгин был сезонник.
Пока нет снега, за порядком он следил,
Ну, а зимою в отпуск уходил.
«Топтыгин, местный участковый, чего бежим?

Не нарушаем ли мы паспортный режим?
Куда летишь так без оглядки,
С прописочкою всё у нас в порядке?
И если нечего сказать,
Придётся штраф с вас, братец, взять».
И нежно так, мешок берёт,
А Колобок, как заорёт:
«Да, что б у вас весь лес сгорел,
Куда не сунься — Беспредел.
Тому плати, другому сунь на лапу,
Пошёл в... берлогу косолапый».
И покатил, что мочи, в гору.
На счастье, Колобка, в ту пору
Кончался мишкин службы срок.
Везучий всё же Колобок.
Весь день он по лесу бродил,
А день на убыль уходил.
Луна взошла на небеса.
Навстречу Колобку... Лиса.
Ну про Лису, здесь хоть роман пиши,
Красивей бабы не было в глуши.
В лесной налоговой работала Лисица,
И даже, говорят, летала за границу.
Ну, а туда вообще не взяли б дуру,
Ведь за налог со Льва она содрала шкуру.
Да, что там Лев, у ней хватило толку
С Ежа налоги взять... за каждую иголку.
И про Лису по лесу шла молва —
На этом деле съела та Козла,
А тот на этом деле съел Собаку.
Ну в общем к той Лисе не попадайся в лапы.
А Колобок, хоть вроде был не голый,
Но всё же видно, что мужского полу.
И по дороге, как тут не крути,
Всё попадались почему-то мужики.
А тут вдруг, нате здрасьте, краля,

Да ещё видная такая!
На месте Колобка любой бы взмок.
Забыл он про опасность, про мешок.
А та, почувствовав слабинку,
Пошла с ним рядом по тропинке.
«Ах, как вы катитесь так ловко
И всё ж придётся уплатить страховку.
Кто прибывает к нам прокатом в лес,
Обязан оплатить и НДС.
С тебя возьму по-божески, ей Богу,
Налог, как говорится, за дорогу.
Топтыгин Миша на бюджете,
С тобой мы за него в ответе.
И, что б не потерял зимой он в весе,
Придётся для него немножечко отвесить.
А за любовь мою, чего греха таить,
Придётся тебе тоже заплатить.
И на прощание позволь тебя лизнуть,
Я провожу тебя… в последний путь».
Забыл про осторожность Колобок напрасно…
На этом и закончилася СКАЗКА.

ВИТА ФЕДИНА

НАЧАЛО ИЮНЯ

День чарующе — влекомый
Манит светом янтаря.
Луч азартно с ветром спорит,
Согревает бунтаря!
Ветер тучи растревожил
Моросяще и хмельно!
Вечер, «битву» подытожив,
Отрезвил — идёт тепло!

СОЛНЦЕПРЯДНОЕ ЛЕТО

Лето солнцепрядное моё,
Как же дорог краткий твой подарок —
Средь аллей берёзовых сафьянов
Солнца луч шедевры создаёт!

Но, опять с угрозами прогноз:
Ветер, дождь и вновь звучат рулады,
Будто поздней осени сонаты, —
Тёмный перламутр из туч и гроз.

Знаем Севера суровый бас,
С ветреною стужею знакомы,
Но, как жадно ждём твои каноны
В предрассветный щебет, в нежный час!

Лето, приумножь свои дары,
Ты, сними с плечей озноб занудный,
Пусть согреемся мы песней чудной,
Воспылаем от твоей любви!

НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЙ ПРОГНОЗ

Дождь ворвался, налетел!
Обнял с ног до головы!
Песню древнюю запел
Под аккордовость грозы!

***

Грозы нам прогноз пророчат,
День за днём — дождей эскорт,
Видно, выгулять он хочет
Зонто-яркий наш бомонд.

***

Загулял ветер — повеса —
Выстелил из туч завесу,
Ливень сдвинул набекрень,
Выдвигаясь в новый день.

ЗАТАИЛОСЬ ЛЕТО

Простудилось, видно, солнце — нет тепла!
Лето только на дворе календаря.
За окном набрякли брови облака.
Сарафановое лето, лишь, — мечта.

НОСТАЛЬГИЯ

Застыло небо белой ночи
Под балдахином облаков.
Не слышно птиц, лишь колко — точки
От «бим-бим-бом» больших часов

Не спится. Ток воспоминаний
Вплавляет в прошлые года:
То в зыбь бросает, то дурманит
Горячий нерв, где ты и я.

Жаль, что вдвоём нас нету боле,
Один ты, я, теперь, одна.
Июнь всё стелет ностальгию
Из белой ночи… без тебя.

ТЁПЛЫЕ ДЕНЁЧКИ

Тёплые денёчки посетили нас, —
С дождевой прохладой ветер «поугас» —
Манит жар лучистый с негой погулять,
Поспешим! Вдруг, солнце спрячется опять?

Снова студный ветер оросят дожди,
Неужели снова — куртки, сапоги?
Вновь подставят спинки стойкие зонты?
И под ними ждать нам лета у судьбы?

Нет! Скорее, солнце, выпусти лучи!
Помнишь, в детстве, звали в тёплые деньки:
«А, Володя выйдет?», «Выйдет! Подожди!»
Солнце, моё счастье, в лето вы-хо-ди!

ТЁПЛЫЙ ВЕТЕР

Выпорхнуло стайкою тепло —
С жадностью пальто, плащи снимаем!
В лёгкие сандалии озорно,
Счастливо Персеями влетаем!

Тёплый ветер, милый ловелас,
Словно шёлк, ты, свежестью касаем!
Как мы ждали нежных твоих ласк —
В зной лучистый стань неуправляем!

СРЕДИ ПЕНИЯ ПТИЦ, ГДЕ ТЕПЛО

Долгожданного лета тепло
Окрылило! Взметнуло одежды!
(Обогрел душу лучик надежды,
Что продлится дыханье его!)

Заманило в купели лучей
Тугосплавы закатов, рассветов,
Окружив их ажуром букетов,
Из кораллово-белых ночей.

Предрассветное пение птиц,
Изумруд новорожденных листьев,
И прогулки, в обнимочку, вместе
Тат и тут осчастливленных лиц!

Вдохновенного лета крыло —
Навигатор мечты воплощенья,
Где вдвоём мы с тобой, без сомненья,
Среди пения птиц, где тепло.

НАЧАЛО

Заалели закаты разнеженно.
Зашумели литые дожди.
Насластились черёмухи спелостью.
Скоро плёс ароматов любви...

ГРОЗА

Вечереет. Гроза в гости просится,
Выстилает угрозами небо.
Туча клочьями с ветром проносится,
Затмевая прощального Феба.

Вот уже свою гроздь громогласную
Посылает Деметре в дар
Громовержец десницей влажною,
Златозубцем кромсая жар!

И взорвался трескучей армадою,
Перламутр из свинцовых лат,
Взгромоздившихся пирамидою
На костяк громовых атак!

И взошла полно-водно-ручьистою
Из ладоней грозы волна,
Дождевая, прохладно-струистая,
Утоляющая слеза!

***

Тьма нависла, но ещё вечер,
Ещё б многое сделать успеть,
А гроза, словно Старец на вече,
Призывает о вечном петь...

Ах, уйми свои струи тугие,
Залихвацкую прыть приструни!
Разухабистые и шальные,
Ты, дожди, за луга, уведи!

Погуляла с душою — довольно!
Напоила земельку в запас;
Утолила, ты, сушь корнеплодья,
А теперь увольняйся в запас!

И свекровь, вот, забилась в угол,
Страшно ей за семью, за себя,
Молит Бога, чтоб сгинул гром-идол,
Отвлекаясь: «Уйди от окна!»

ОСТОРОЖНЫЙ ДОЖДИК

Заблудилось солнышко в тучках,
Взвился ветер выстуденно,
И понёс он листья на ручках
Осторожно, вынянченно.

Вдруг подпрыгнул дождь на носочках,
Кап-да-кап, пружинно, бочком,
Юрк под зонтик, к дочке с внучочком, —
Тот в коляске спит с кулачком.

Не буди, ты, слёзками, дождик,
Не тревожь мальца, погоди,
Вот, придём домой, тогда можно, —
Разгулять тугие струи.

ЗОЛОТОЕ СОЛНЫШКО

Золотое солнышко вышло погулять!
Золотое солнышко рады мы встречать!
«Золотое солнышко, — я шепчу, малышке —
Как замёрзнут лучики, ты, надень пальтишко!»

СЕМИЦВЕТНОЕ ЧУДО

Дождик чуть покапал и ушёл поспать.
Вместе с ним отправились детки отдыхать.
А проснулись — глянули — на небе дуга —
Чудо семицветное смотрит на луга!

Загудела радостным шумом детвора,
Выпорхнула стайками из дверей она,
Понеслась под радугой весело гулять,
Играми-забавами чудо удивлять!

НАДЕЖДА ЛИШМАНОВА

БАБЬЕ ЛЕТО

Солнце спряталось, исчезло,
Закатилось — не найти.
На высокий сук залезло
И сидит там взаперти.
Только так совсем не честно,
Я замёрзла вся, дрожу.
Без тепла неинтересно,
Это ясно и ежу.
Я б поджарилась на солнце,
Подрумянила бока.
Отвела бы душу, сердце,
Не выходит вот пока.

Что же ты, скажи, за лето?
Если солнца нет совсем.
Как капуста я одета,
Чтоб согреться, чаще ем.
Что, выходит мы плохие,
И нам солнца не видать?
В бабье лето, бабы злые,
Вечно, что ли нам страдать?
Нет, не верю, всех проверю,
Баб хороших и плохих.
А потом открою двери
И скажу: «Здесь нет таких».

МОШКАРА

Мошкара живьём съедает,
Всюду лезет, где не ждёшь.
Руки, ноги — всё страдает,
Если сразу не убьёшь.

С комарами дело ясно,
Даже видно, как летит.
Да и сел, не так ужасно,
Но противно, что пищит.

Мошкара наоборот,
Лезет в уши, нос и рот.
Ей не важно кто ты есть —
Ей тебя важнее съесть.

Только шишки остаются,
На тебе, а им плевать.
Но они меня дождутся,
Я умею воевать.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Монотонно бьётся дождь,
Но я не открою.
Мне такой не нужен гость,
Дверь на ключ закрою.

Сколько можно тарабанить?
Совесть есть иль её нет?
Я прошу меня оставить,
Это просьба, не совет.

Вот уже который час,
То сильней, то тише,
Влаги месячный запас,
Льёт на землю с крыши.

Плачут мокрые берёзки,
По тропинкам не пройти.
Успокойся, вытри слёзки,
Я открою, не грусти.

ПОСЛЕ БАНЬКИ

После баньки чи́сто тело,
Чисты мысли и слова.
Новым чувствам нет предела,
И кружится голова.

Чай в пузатом самоваре,
Ждёт с лимоном и медком.
На сосновых шишках сварен,
Угощает кипятком.

Отказаться невозможно,
Любят чай и стар, и млад.
Да к тому ещё полезно —
Чудный, нежный аромат.

НЕВЕДОМЫЙ МИР

Словно бездонный океан-небо,
Проплыть на белых облаках мне бы.
И растворившись в синеве вечной,
Оставить след на небесах млечный.

Там, в неизведанных мирах где-то,
Быть может, вспомню на земле лето.
Потянет вдруг назад к родным, близким,
Чтоб поклониться в пояс им низко.

Да, я такая, как и вы люди!
О двух ногах, о двух руках вроде.
Вот только мир других планет манит
И в свой неведомый простор тянет.

КРАСОТА

Тихо вечер опустился,
Уже солнца не видать.
Тень на время удалилась,
Наступила благодать.

Распустились георгины,
Нежно пахнет резеда.
И доносит запах винный,
Виноградная лоза.

Словно в зеркале на речке,
Отражается луна,
Зажигая звёзды — свечки,
Мчится к берегу волна.

ГОРЕ РЫБАК

Соберу червей на грядке,
Возьму удочку и снедь.
Если будет всё в порядке,
То на речку, посидеть.

Может быть поймаю щуку,
Ну, а нет, так чебака.
Эту рыбную науку,
Изучу наверняка.

Солнце медленно восходит,
Комары пищат, аж жуть.
Рыба рядом где-то ходит,
С дна взъерошивая муть.

Может, черви не годятся?
Может, удочка не та?
Не могу душой собраться,
Не рыбалка — маета.

Вот, с крючка сорвалась щука,
Ну, не щука, так чебак.
Ох уж рыбная наука
И цена её пятак.

Посижу ещё и встану,
Может стоя повезёт.
И приманочку достану,
На перловочку пойдёт.

Руки, ноги потянуло,
Да и шея затекла.
Может где-то просквозило?
И рыбалка немила.

Всё, да ну, эту рыбалку,
Рыбка плавает и пусть.
Отнесу червей на грядку
И на травке отосплюсь.

ПОТЕПЛЕЛО

Нашло дырку среди туч
Солнце озорное.
Опустило с неба луч,
Что это такое?
Засияли по земле
Бусинки-росинки.
И засохли на щеке
Тёплые слезинки.

ОЖИДАНИЕ

Петухи поют чуть слышно,
Значит, скоро ждать рассвет.
Вот бы солнце раньше вышло,
Я скажу ему: «Привет!»

Выходи, согрей планету,
Жду уже тебя давно.
Даже ветер стих к рассвету —
И ему не всё равно.

Отогнал туман к болоту,
Листья жёлтые сорвал.
Оцени его работу,
Без тебя он так скучал.

КУКУШКА

Как-то плакала кукушка,
Сидя на суку.
Куковала, куковала,
Навела тоску.
Я спросила у кукушки:
«Сколько жить мне лет?»
Не ответила кукушка,
Видно жизни нет.
Почему же не спросила
Раньше о годах?
Видно фальши не хотела —
Вечно вся в делах.
Что ж ты милая кукушка
Потеряла счёт?
Или что-то не сложилось,
Или счётчик врёт?

ЛЮБОВЬ КОРОБКИНА

МУЗЫКА ЛИВНЯ

Ливень влупил — и все наутёк
Кинулись вдруг врассыпную.
Юбка — хоть выжми, шарф весь промок,
Босой по лужам бегу я —
Летние тёплые брызги вразлёт.
Звонко душа ликовала,
Словно один из героев поёт
Оперы Леонкавалло.

ЛЕТО, ДЕРЕВНЯ, КОМПОТ

Вот и лето уже скоро,
То есть времечко, в котором
Набираемся мы сил —
Это, значит, кто-то к морю
По путёвке в санаторий
С папой, мамой покатил,
Ну, а кто-то в город древний…
А я — к бабушке в деревню
Собирать в саду плоды,
Где в награду за труды —
Сухофруктов целый воз
Щедро соберёт бабуля,
Чтобы я домой увёз.
И в огромнейшей кастрюле
Будет мама целый год
Для меня варить компот.

РАЗЛИЛСЯ ЗОЛОТОМ ЗАКАТ...

Разлился золотом закат,
Раскрасил небо над рекою:
В палитре охра и агат,
И многоцветие левкоя.
Со временем бледнел окрас,
Менялась на глазах картина.
Ночной покинув Монпарнас,
Мольберты в ниши отодвинув,
Художник-ночь в свои права
Вступала медленно, но смело,
Окрасив небосвод едва
В оттенки скромной краски белой.

НЕУЖЕЛИ ЭТО ЛЕТО

Наконец-то шла раздетой —
Неужели это лето
К нам в Сургут пришло уже?!
И мы скоро в неглиже
Будем нежиться: на пляже
Под лучами солнца ляжем
Иль на теплоходе даже,
Или, может, на барже́.
Будем солнцем наслаждаться.
Надо только нам дождаться,
Чтобы, наконец, тепло
Вместе с летом к нам пришло.

ЗИГЗАГ МЕЧТЫ

Ещё весну не проводили,
И с крыш не все сосульки сбили,
О лете строчки я пишу
И чувствовать уже спешу

Его тепла к нам приближенье
И в стаях птичье возвращенье.
В мечтах далёко унеслась
Туда, где в танцах смело страсть
Своё находит выраженье.
Соблазнов множества круженье:
В бокалы ви́на льют рекой,
Под вечер звёзды — тронь рукой —
Так близко, крупные, как сливы.
И волны моря говорливы,
Песок на пляже золотой...
В мечты занёс зигзаг витой.
Но с крыши вдруг заколотило,
И жизнь в реальность возвратила.

ПРИЗНАНИЕ ЛЕТУ

Прошу я солнышко светить,
Чтоб обувь «в дырочку» носить
И сарафан фасона — клёш
Иль мини, чтобы: «Ну, даёшь!» —
Друзья б, увидев, удивились.
Эх, если бы ещё продлились
Дни летние с таким теплом!
Когда не хочешь идти в дом,
Под брызги у фонтана дышишь,
Слова признанья лету пишешь.

НЕТАЮЩИЙ СНЕГ

С тополиных ветвей
Пух летел и летел,
Словно был снеговей
И всю землю одел.

Это летней порой
Есть нетающий снег,
Он июльской жарой
Удивляет нас всех.

В МЕЧТАХ

Как прекрасно на закате
В разноцветном летнем платье
Любоваться Обь-рекой,
Щурясь и глаза рукой
Чуть прикрыв от бликов ярких,
Со словами: «Ну и жарко!»,
Не взирая на обрыв,
Скинуть платье позабыв,
Словно в омут, прыгнуть в речку…
Ух! Аж замерло сердечко!
Эко, я в мечтах хватила —
Даже дух перехватило.

КОФЕ И БЕЛАЯ НОЧЬ

Белёсый цвет у майской ночи,
Чуть затуманен и размыт,
Бессонницу она пророчит,
Душе путь к таинству открыт.
Блуждают мысли хаотично,
Пчелиным роем налетят —
И тут же в строки поэтично
Построятся за рядом ряд
В венок из слов витиеватых:
Вот показались облака,
Повисшие как клочья ваты,
И небо тронуло слегка
Лучами цвета аметиста…
Желанье вдруг вернуло в явь:

Так захотелось, чтоб баристо
На завтрак приготовил раф.
Добавкой можно капучино,
К нему — любимый круассан.
Ночь белая — страстей пучина
И средство — антидепрессант.

ЗАРИСОВКА С НАТУРЫ

Воро́бушки клевали крохи,
Видать, дела у них не плохи:
Коль есть еда, чем поживиться.
Людей желанье поделиться
Даёт им радость бытия...
Картину наблюдала я
Весною во дворе у дома.
(Ждала там встречу со знакомой.)
Так вот, на люках отопленья,
Где были сделаны кормушки,
Стояло птичье оживленье
Так, словно встретились подружки:
Весёлый щебет, разговоры —
Чириканье не умолкает.
Вдруг начались и гвалт, и ссоры —
То налетела с шумом стая
Голодных голубей, сердитых.
Скандалить стали и толкаться,
Гнать бедных воробьёв открыто.
Куда же было тем деваться?
В сторонке подбирали крошки.
А гости голод утолили,
Добрее как-то став немножко, —
Пичуг к кормушке подпустили.

Обед, совместный с примиреньем,
Великодушию был данью.
А мой итог — стихотворенье,
Как зарисовка ожиданья.

ВОТ ТАКОЕ ЛЕТО...

Наслаждение от лета —
Щедрость солнечного света,
Брызги волн неудержимых,
Отказаться от зажима
Выглядеть чуть оголённой,
Быть безудержно влюблённой.
И в объятиях друг друга
Выбрать направленье к югу.

Поваляться там на пляже,
Понырять, возможно, даже
В океане, не робея.
Не достигнув апогея
Всех эмоций, впечатлений,
Вдруг повергнуть в удивленье
Друга и себя саму:
Почему? — Потом пойму.

Я решила возвратиться
Не в Афины и не в Ниццу,
А в Сургут, домой короче,
Чтоб застать остатки ночи
Той, что белою зовётся.
От любви к ней сердце бьётся,
Выливаясь вдохновеньем
В песни и стихотворенья.

На тропинках «снег» не тает —
Пух, что с тополей слетает.

И, конечно, потрясает,
Как безжалостно кусают
Комары и мошкара.
Всё равно пойти с утра
В лес родной, где ягод — «море»,
Или на Обско́м просторе
Утро вместе с другом встретить,
Новый стих сложить о лете.

ОЛЕГ РИХТЕР

***

Беззвездная ночь над полями…
Стернею, без троп и дорог,
Спешу на степной огонек,
Который мелькнул за стогами…
Он близко — рукою подать —
Тепло и приветливо манит…
Я верю, что он не обманет,
Не скроется в темную гать.

А степь, как бескрайнее море,
Волной травяною шумит,
Навстречу бежит и бежит
И, бурю предчувствуя, стонет…
Но есть же огонь впереди!
Спасение, тихая пристань…
Звездой путеводной искрится,
Вселяя надежду в груди.

И чудятся близкие тени…
Быть может, там избы стоят,
А люди усталые спят
В плену трудовых сновидений.
Но кто-то, однако, не спит…
Беда?.. Или радость какая?..
А может, заблудших спасая,
Огонь этот вечно горит…

Бушуйте же, вольные ветры!
Я цель заприметил одну, —

С пути никуда не сверну,
Любые пройду километры.

Дойду… на полу растянусь…
На мягкой душистой овчине…
И легким тревогам пустыни —
Сквозь сказочный сон улыбнусь.

***

Пусть солнце пламенного юга
Не посылает нам укор.
Для тех, кто отыскал друг друга,
Горит совсем иной костер.

В его лучах горячих, юных —
Взлетают в небо две звезды.
Они летят дорогой лунной,
Вторгаясь в млечные сады.

Летят в блистающие дали,
Где никогда не гаснет свет,
Летят в тот мир, где для печали
Ни уголка, ни места нет.

***

Ночь очарована костром,
Плесканьем пламени игривым…
Над завороженным Днестром
Всплакнули чувственные ивы…

Быть может, к этим берегам
Мне не судьба вернуться снова,
Но в сердце пролила бальзам
Неповторимая Молдова.

О чем-то грустно шепчет дуб,
Дрожит осина в лихоманке...
Пленяет ночь отравой губ
И дивным взглядом молдаванки.

ГРИБНЫЕ СТРАСТИ

(Ожидание)

Нет силы усидеть на стуле,
Нет ожиданья тяжелее пут...
Прекрасны дни
Дождливые в июле,
Когда грибы
За ночь одну растут.

Не оттянуть
За ноги и за уши,
Когда парит грибница на столе.
Близка пора...
Насолим и насушим!
И поедим зимою в январе.

Близка пора...
Проверим лес горелый...
По бурелому старому пройдем.
Бывает там
Больших размеров белый —
Его мы обязательно найдем!

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ

Неделю льет, как из ведра,
И всяк грибник погоды ждет.
На небе, видимо, дыра —
И через эту дырку льет.

Опять грибник попал впросак,
Готов все время разбомбить.
Грибы полопает червяк —
Его нельзя остановить.

Ведь надо дождичка — чуть-чуть,
А следом — солнышком пригреть.
А тут вокруг такая муть,
Что тошно из окна глядеть.

Но объявляется герой:
Зашторив тело все до пят,
Согнувшись, в лес пошел, как в бой.
Зато домой принес опят.

И мигом разнеслась молва:
Нашелся, мол, отважный тут.
Ну, молодец! Ну, голова! —
И все гурьбою в лес бегут.

МОНОЛОГ ХВАСТУНА

Я до грибов ужасно падкий!
Чтобы других опередить,
В лесу монтирую палатку
И примечаю, где ходить.

Я хохочу над всеми в туне,
Не открывая свой секрет,
Что не с зарей, а накануне
Я по-походному одет.

Что умозрительно на строчки
Мой лес заранее разбит,
И на учете пни и кочки,
Где белый, может быть, стоит.

Вчера увидел я соседа, —
Чудило — чудо из чудес! —
Я нес уже грибы к обеду,
А он, балбес, — поперся в лес.

Он мне кивнул небрежно-важно,
Но явной завистью горел.
Гигантский гриб —
Как зонтик пляжный —
Над головою я вертел.

МОНОЛОГ ЗАВИСТНИКА

Он белый гриб нашел вчера:
Такой гигант!
Нельзя не охнуть!
Я тоже там ходил с утра...
Но не заметил...
Чтоб мне сдохнуть!

В нем явно несколько кило.
В ведро не влез.
А резать жалко...
Меня же сдуру занесло
На бурелом
Да в елки-палки.

Я десять раз вокруг ходил
Того проклятого лесочка...
Я что ли сам его садил,
Чтоб знать,
Где он растет под кочкой.

Ну, надо ж — вымахал чудак!
Какая редкая громада!

А вдруг изъел его червяк?
Тогда и даром мне не надо.

А если не червив он вдруг?
Такой гигант!
Нельзя не охнуть…
Ведь я же там ходил вокруг…
И не заметил…
Чтоб мне сдохнуть!

***

Эта странная ночь,
Это темное небо без звезд —
Над моей головой
Замыкает таинственный круг.
Миражами во мгле
Распростерся обманчивый мост,
И скользит по нему
Тенью призрака — ласковый друг.

От забытого сна
Веет на сердце нежным теплом.
Желтым светом луны
Манит в прошлое дань фонарей.
Без надежд я ищу
В листьях клена заброшенный дом,
Мне навстречу глядит —
Безвозвратность потерянных дней.

Из углов пустоты —
Ароматом фиалки ночной,
Женским смехом влечет
Под покровы свои темнота.
Снова дух потрясен
Непомерно упрямой мечтой,

Набегают волной
Погребенные мною лета…

Ожиданье томит…
Губы чувствуют легкую прядь…
Где-то рядом во тьме —
Ускользающий вмиг силуэт…
Шорох шелка зовет
Окунуться в безумство опять
И приблизить к себе
Ослепляющий до смерти свет.

Несвершенность надежд —
Затаила интимность пустот,
А раздвоенность чувств —
Призывает сияние дня…
Эта странная ночь
Дразнит медом невидимых сот
И в опасную высь
Увлекает безумно меня.

НИНА СЕРГЕЕВА

НЕЭЛЕГИЯ

...Что будет завтра? Кофе не в постель.
Бессмысленное звукопостоянство
Часов и чайной ложки. Канитель
Прохожих, суетливых как паяцы.

Ну, что ж! Сейчас в формате кутерьма,
Наполненная жизнью и весельем.
На сером небе лыбится луна...

Соседи чьё-то празднуют рожденье:
К ним ночи летние безудержно нежны,
По мне ж — белесая шальная карусель...

Без тьмы — нет утра. Мысли — не важны.
А завтра? Завтра — кофе. Не в постель...

MEMENTO MORI*

...песок и дым, белесая смола,
и угли догоревшего костра,
и шишек стук, и хвоя на ладонях...
Когда-нибудь мы все уйдём без боя
по лентам трасс, по сенокосу трав.
Не бойся стать кому-то перегноем.
Не жди в оцепенении утрат.
Живи сейчас. Останься молодым.
Да, вечность пахнет блюзом, — но не болью.
В конце любой становится Любовью.

С той стороны — смола, песок и дым,
и каждый остаётся невредим,
и иглы хвои на родных ладонях...

** помни о смерти (лат.)*

FASTIS*

Когда устало лето, в янтаре
застыл и свет, и ворох обещаний:
развеялся и превратился в бред.
Остались лишь обрывки от газет
и шум перронов, серых от прощаний.

Вокзалы образуют города.
Я с радостью уеду в никуда:
без чемодана и без расстояний.
Отчётливое эхо безымянных,
не встреченных попутчиков тогда
подскажет путь — ему названий нет.
В чуть липких подоконниках плацкартов
скрывается причудливая карта
и непутёвый путевóй рассвет.

Когда вернётся лето в зимний дом,
когда покинет Морра Мумидол
и разные чулки достанет Пеппи,
мы станем самыми бессмертными на свете,
по улицам плутая босиком.
И ветер переменится к утру,
и противопоставит февралю
беспечный шелест юбки невесомой,

и «тополиный-пух-жара-июль»,
и мы бежим наивно к сентябрю,
как дети мчат за эскимо и колой...

* *календарь (лат.)*

***

В гостинице укрыты пустотой
развешанные в воздухе обьятья,
забыто летом пахнущее платье,
забыт стакан, наполненный водой.
А за окном трепещут провода,
спят фонари, раскиданные наспех.
Какое, право, счастье понимать их.
Какое, к черту, «если» и «когда»,
когда звенит гитарой подворотня,
когда живёшь не завтра, а сегодня,
когда мелькают кадры-города,
когда на перекрестке всех дорог
находишь блюз, здороваешься с чёртом,
а лямки рюкзака давно истёрты.
И ты — свой бог, и сам себе порог;
и ты — свой сон, и сам себе ответ,
и сам — географическая карта.
И больше нет ни офисов, ни парты,
запретов, слов, границ или стандартов;
есть только воздух с привкусом азарта,
и наспех выбраны вчера координаты,
и на груди на счастье амулет...

Дорожный знак. Бредущий силуэт.
Для тех, кто стал свободен — бога нет.
Для тех, кто стал богами — сухоцвет,
парад планет, вокзальный туалет,
затем буфет, закрытый на обед,

прогретый солнцем серый парапет,
и едкий дым дешевых сигарет,
и так за километром километр…

В гостинице объяты тишиной
вчерашнее вино, немного сыра,
помятая постель и в ванной сыро.
И Путь дрожит натянутой струной…

ПРОХОРУ (ПИСЬМО ДРУГУ)…

Я попробую что-нибудь написать,
Если хватит времени, сил и чая.
Отвечаю: такая кругом крепчает
Круговерть деструкций — не передать!

Тут ведь, как обычно: вчера — жара,
А сегодня жмемся к горячим кружкам…
Равнодушно, муторно и желтушно.
Где-то в небе сломаны тормоза.

Белый свет в копейку летит быстрей,
Чем зимой по городу бьют метели;
В самом деле он, впрочем, протяжно-серый, —
В тон консервных банок и пустырей.

Слава богу, мне снились чужие сны.
От своих я, знаешь, совсем устала…
Нет причала для осени, нет начала
Для зимы, нет повода для весны:

Остаётся только хлебать июль
Из набрякших кисточек винограда:
Я им рада. Они не набрали сладость,
Но получше прочих моих пилюль…

В общем, как обычно, без новостей.
Не особо парюсь. Не жду ответов.
Будет вечер. И письма развеет ветер.
Из моих почтальонов — он всех честней.

Ну, бывай! До новых, мой друг, не-встреч,
Не-всенощных пьянок, гнилых рассветов...
Будет лето. У нас ещё будет лето.
/здесь размыто/...райся себя беречь...

***

И всё глубже, и глубже.
Вода солоней и темней.
Кровеносная чаша вселенной,
извечно кипящая в ней:
возроди во мне жизнь,
я — сгорающая планета...

Воздух влажен, пропитан словами,
слезами рыб, воздух томен,
прокурен, сыр, тяжёл и размыт.
Утром солнечный блик перекрашивает парапеты.
Иногда интересно, как ты и где ты...

Мои мальчики здесь — безымянны и так непохожи!
У них янтарная тёплая кожа, лица изрядно проще,
свежее, моложе, а глаза — родные:
                как будто знакомы давно.
Мы идём с одним на бессмысленный фильм в кино,
предаемся страсти в душном пустынном зале.
Мне смотрители залов давным давно доказали,
что они с влюбленными заодно.

Мои мальчики здесь — это южный солёный бриз.
С ними пьётся не больно. До положения риз

с каждым хлещем коньяк вечерами под старым
    пирсом.
Океан ворчит, он кудлатый и вредный дед.
Океан не любит, когда ты при нём одет.

Мои мальчики здесь раздеваются очень быстро.
Днём на пристань приходят туристы и ребятня,
гвалт крикливых торговцев закрутит меня,
и менять не захочется этот день ни на что иное.
Солнце тянет на улицу. Солнце — живой магнит;
вечерами же всех горемык от тоски хранит
двухэтажный тёзка библейского Ноя:
караоке, кагор и веранда прямо у моря.

Здесь любая назавтра в нового влюблена:
Будто смыло прибоем ханжеский трибунал.

...Через месяц меня ошарашивает луна:
Беспокойная, рыжая, ведьмина, злая, волчья,
будто хищный гигантский глаз в разломе пещеры...
Так животные ведают смертную дрожь литосферы.

Океаном кита выбрасывает на берег
Той же ночью.

***

Представь себе, между паузой и кульминацией
есть точка: доля секунды, где скрыта истина.
Травам над пропастью свойственно подниматься,
к солнцу тянуть свои зелёные пальцы,
в небо с обрыва с ветром пытаться выплеснуться.
Птицам привычно лететь, что они и делают,
рыбам привычно молчать, мне — вникать
    в молчание:
в цезуры — яркие-яркие, белые-белые,

чтоб отыскать такую в них постоянную,
чтоб отыскать такую константу качества,
такую аксиому железобетонную,
с которой мы наши жизни напишем начисто,
без корректурных правок, совсем по новому.
Время летит. Мы же — всё ещё первоклассники:
любим почти впервые, почти без памяти,
будто вслепую играем над бездной в классики
на рыхлом и осыпающемся песчанике…
Годы колотят, бьются в висках секундами,
секунды бегут по венам и по артериям.
Мы же — почти такие же долбанутые:
заново верим в то, что опять не сделаем.
Травы стремятся к небу, но тонут во времени,
птицы извечно поют, рыбы — хлопают жабрами.
А я все меняю местами свои переменные:
и в этом — моя единственная постоянная.

НИКОН СОЧИХИН

ЖУРАВЛИ ДЕТСТВА

Люди, скорее! Смотрите, над нами
Вон — журавли!
Гордые птицы почти над домами
Плавно прошли.

Вот за деревней над старым болотом
Стали кружить.
Может быть, — тихо обмолвился кто-то, —
Будут там жить.

Но журавли, покружив, улетели
Вдаль, за леса.
Долго потом над округой звенели
Их голоса.

Вечером мы расходились по хатам,
Став повзрослей.
Каждый себя посчитал виноватым
За журавлей.

ЭЛЕГИЯ

Когда сержусь. Когда грущу.
Когда... Хоть плач подчас.
Я с Вами встречи не ищу,
Но всюду встречу Вас.

Когда смеюсь. Когда пою.
Когда... люблю весь свет.
Я Вам несу любовь свою,
А Вас повсюду нет.

И кто он, силы неземной,
Не моего ума,
Так злобно шутит надо мной?
Иль это — жизнь сама...

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Середина лета
Пахнет клеверами.
Пряный запах этот
Властвует над нами.

С рюкзаком заплечным
По тропинкам росным
Мы идём к поречным
Травам сенокосным.

Высоко над нами
Распевают птицы.
В далях над лугами
Марево клубится.

Ах ты, мать родная,
Родина — Россия!
Красота какая!
Голоса какие!

У костра под вечер
Посиди. Послушай.
Это всё, что лечит
Сердце нам и душу.

ПАМЯТНЫЙ УРОК

Я не зря сейчас припомнил
Те далекие деньки,
Когда мы на сжатом поле
Собирали колоски.

Шаг за шагом, без оплошки,
Наклонясь сто раз на дню,
Свои детские ладошки
Обжигая о стерню.

Давний, памятный урок...
И теперь, стихи слагая,
Больно сердце обжигаю
О стерню горячих строк.

ПИСЬМО

Если занята не очень,
Если некуда спешить,
Напиши мне пару строчек,
Напиши мне, напиши.

И в поселок наш вахтовый,
Что теперь мне стал как дом,
Вертолет придет почтовый
С дорогим твоим письмом.

Пусть всего две строчки только
Я в конверте получу,
Я нисколько, я нисколько
От того не огорчусь.

И в двух строчках я увижу
Твои карие глаза.

И в двух строчках я услышу
Наших улиц голоса.

И в двух строчках очень много
Различить сумеет взор,
Словно вновь пройду дорогой
Там, где был я с давних пор.

Только я вернусь не скоро
В те края, что мне близки,
Я хочу построить город
У излук Оби-реки.

Ну а ты грусти не очень
И прошу от всей души:
Напиши мне пару строчек,
Напиши мне, напиши.

***

Опять дожди. Опять дожди
Который день напропалую,
Но хошь не хошь, а все ж иди,
Иди и все — на буровую.

А что поделаешь? И я,
Кляня начальство и житуху,
Как черт, залажу в брезентуху
По всем законам бытия.

И выхожу под дождь, туда,
Чтобы хватать, тянуть, ругаться.
И после мирно отоспаться
От ругани и от труда.

БАГУЛЬНИК

В тайге вовсю цветет багульник.
И как цветет! Ах, как цветет!
Как самый ярый богохульник
Христу анафему орет.

И здесь озера — голубые,
И на сто верст здесь ни души.
А мы — ребята молодые,
И нам по двадцать с небольшим.

НА РЫБАЛКЕ

Ну и выдалась погодка.
Не погодка — кислый квас.
Опрокинутая лодка
От дождя укрыла нас.

И сидим мы с ним — два брата
Так сидим — к спине спина,
Как сидели мы когда-то,
Только днище низковато,
Да его спина горбата
И такая тишина...

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Середина лета
Пахнет клеверами.
Пряный запах этот
Властвует над нами.

С рюкзаком заплечным
По тропинкам росным

Мы идем к поречным
Травам сенокосным.

Высоко над нами
Распевают птицы.
В далях над лугами
Марево клубится.

Ах ты, мать родная,
Родина-Россия!
Красота какая!
Голоса какие!

У костра под вечер
Посиди. Послушай.
Это все что лечит
Сердце нам и душу.

ПОДОРОЖНИК

Я с детства рос неосторожным,
Не щадил ни рук, ни ног.
Добродушный подорожник
Врачевал меня как мог.

Разомнешь его, потуже
Замотаешь — и айда...
На войне бывает хуже,
Ну, а это — ерунда!

И не плакал я от злости,
Хоть отчаянно везло
На заржавленные гвозди,
На разбитое стекло.

И теперь, когда безбожно
Обольют отравой слов,
Мне бы только подорожник
Отыскать — и всех делов.

СТАРЯ БЕРЁЗА

Она взошла на тот откос,
Занемогла и там осталась.
В прическе реденьких волос
И в платье стиранном и старом.

И ветер стих. И гомон смолк.
Раздвиглась даль. И было слышно,
Как от ветвей отпал листок
И в воздухе повис недвижно.

Судьбе не плачась, не моля,
Она глядела в сумрак синий,
Как мама милая моя,
Что закручинилась о сыне.

***

Мы много бегаем по свету
И суетимся, и кричим.
Как будто на земле и нету
Чем мы крупнее величин.

Но вот однажды в тихий вечер,
Себя тщеславьем не дразня,
Поймем: игра не стоит свечек,
И все — мышиная возня.

Но в мире есть простое право
И долг,
которых нет святей:
Поля пахать. Железо плавить.
И мирно пестовать детей.

ЕВГЕНИЙ СТАВРОВСКИЙ

ОСТАЛАСЬ ДО ЛЕТА НЕДЕЛЯ...

Осталась до лета неделя,
Всего лишь неделя — до лета!
И лес, моя тихая келья,
Со мной вожделеет рассвета.

Почти уже летняя россыпь
Лучей молодого восхода
Ложится на русые косы
Распевной сибирской природы.

Я песнь её робкую слышу,
Я стан её девичий вижу!
И небо становится выше,
И лето становится ближе...

24.05.2003

ЛЕТО ПРИШЛО В СИБИРЬ

Зеленью приодето
В мягкий пастельный цвет,
В город ввалилось лето...
Здравствуй, июнь, привет!

К белым ночам резонно
Движется календарь
И по полудням сонно
В небо вползает марь.

К солнышку, сквозь туманы,
Ринулись травы в рост.
С ними — мечты и планы —
К небу! До самых звёзд!

Спорит о чём-то город
С ливнями до утра —
Значит, ещё нескоро
С юга придёт жара.

Как в промелькнувшем мае,
Вдоль грозовых зарниц
Ветер гоняет стаи
Поналетевших птиц…

Короток век у лета,
Словно июньский день —
Точно узнав про это,
Вдруг зацвела сирень.

Тополь в листву оделся,
Пух собирая свой —
Верно, теплом согрелся
В небе над мостовой.

Чтобы тоску отринуть —
Хворую, как зима,
Люди спешат покинуть
По вечерам дома.

Хлынули их потоки
К паркам, к разливам рек
Греться на солнцепёке
В летний короткий век…

В ярких потоках света
Двигаясь ввысь и вширь,
В город шагнуло лето,
Лето пришло в Сибирь…

Июнь 2019

ИЮЛЬ В РАЗГАРЕ…

Июль в разгаре… Вот и он —
Экватор северного лета,
Где солнца жёлтая монета
Вступает с небом в перезвон!

Над полотном прибрежных трав
Гуляка-ветер шепчет ивам
О чём-то вечном и красивом,
Волну обскую приподняв.

Две чайки кормятся вдали,
Не замечая понарошку,
Как окунь с детскую ладошку
Малька гоняет на мели.

Казалось — дождь польёт с утра,
Но распогодилось на славу!
И Водяному на забаву
Пыхтят движками катера…

Июльский полдень льёт с небес
Такую лень, что даже строки
Пегас попрятал по осоке
И в сонном мареве исчез!

Короче — день, и ночь — темней:
Уже легко заметить это,

И по чуть-чуть срезает лето
Длину полуденных теней.

Жаль, что июльский календарь
Так тороплив и скоротечен…
Сжигает дни он, словно свечи,
На летний выставив алтарь…

17.07.2020

ЗАПЛУТАЛО ЭХО ПО ОВРАГАМ…

Заплутало эхо по оврагам,
Разбрелись туманы по лесам,
И скользят невиданным зигзагом
Облака по алым небесам.

Встрепенулась зорька молодая,
И над гладью сонного ручья
Замерла, поклёвки ожидая,
На рогатке удочка моя.

В воду берег вклинился подковой…
Стылый ветер — знаю наперёд —
Лишь обрывки гула городского
По Оби к рассвету донесёт.

Только с этим миром неизменным
Я могу о каждом пустяке
Говорить на самом откровенном,
Лишь ему понятном языке…

02.05.2002

АВГУСТ

Пробегает лето скоротечно,
Вот и август — добрая пора!
В тёплой мари, трогательно-вечной,
Коротаю время у костра...

Ветерочек ласковый, привольный
Заблудился в кронах ивняка.
В кедрачах, в берёзах белоствольных
Зазвучала песня ветерка.

Наблюдаю сонно и лениво,
Как гуляет рыба по реке,
Как волна течёт неторопливо
И ушица спеет в котелке.

Головой качаю — вот досада:
Язь с крючка сорвался, как на грех...
Слышу в далях звёздного распада
Птиц ночных далёкий пересмех.

В костерке огонь ещё танцует...
Посижу немного у воды,
Где круги поклёвкою рисует
Поплавок бамбуковой уды.

Время сонно движется к рассвету,
Здесь легко — не хочется домой...
Улыбнусь загадочному лету:
Здравствуй, август, друг старинный мой.

02.08.2018

ПРОВОЖАЯ КОРОТКОЕ ЛЕТО...

Провожая короткое лето,
Уходя от беды
И вражды,
Этой ночью, ещё до рассвета,
Мы оставим следы
У воды.

Их, как прошлое, смоет к восходу —
Хорошо, что река
Глубока...
Отпустить бы мечты на свободу,
Им дорога легка —
В облака.

В небе отблеск заметим случайно,
Он неясный такой —
Колдовской,
Души с ним повенчаются тайно...
И туманом — покой
Над рекой...

Как от прежней любви отрекаясь
И впуская сюда
Холода,
Лето снова уйдёт, не прощаясь,
Не оставив следа...
Навсегда...

БАБЬЕ ЛЕТО

Как славно в это бабье лето
Вдоль безымяночки-реки
По иван-чайному отцвету
С тобой бежать вперегонки!

Обрывки мыслей по дорожке
Напоминают, как вчера
На тайной ивовой ладошке
Мы засыпали у костра…

Нам бабье лето отпустило
Всего лишь несколько деньков
И незаметно опоило
Святым грехом… двух дураков.

Росой, туманом, сизым дымом
Объяло нас со всех сторон
В чертоге нашем лебедином,
Нехитрым рифмам в унисон…

С какой дурашливостью чудной
Ты с тела день смываешь свой
У тихой отмели безлюдной,
Поросшей острою травой!

А я любуюсь этой сказкой
И сигарету с угольком
Венчаю с детскою опаской
Над оробевшим костерком.

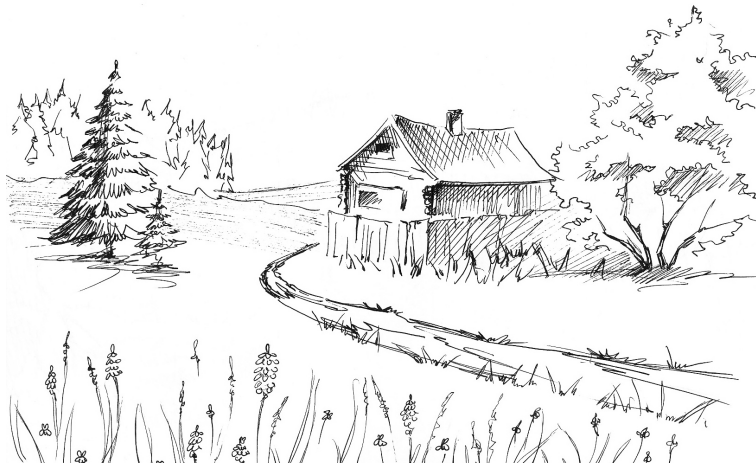
К нему, в истоме благодатной,
Прикрыв сатином наготу,
Ты подплывёшь в луче закатном,
Как ангел в Божеском свету.

Себя поймав на мысли грешной,
Подмоложу на час костёр,
И заведу с тобой неспешный
О бабьем лете разговор,

Воспламенюсь твоей улыбкой
В разливах первой темноты
И удивлюсь догадке зыбкой,
Что бабье лето — это ты…

23.08.2003

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИКОВ



ПЕРЕКАТ

Гуляя как-то по лесу, я нечаянно набрёл небольшую полянку, поросшую мятой. Это был рай для любителей нектара, где золотистые пчёлы, деловито жужжа, копошились между венчиками лилово-фиолетовых мелких цветков. Грузные бархатные шмели, натужно гудели, перелетая с одного стебля на другой, тяжело плюхались на зелёные зубчатые листочки.

И воздух в этом месте был какой-то особый, пряный, прохладный, хотя солнце палило неимоверно. Приметив это место, я решил вернуться сюда на следующий день, чтобы собрать мяты для чая.

Хорошо летним деньком, сидя под раскидистой яблоней с наливающимися яблочками за простым деревянным столом,

пить ароматный свежезаваренный чай с мятой. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь густую листву, расцвечивают яркими бликами тёмные доски стола, на котором стоит старый закопчённый железный чайник с кипятком и пузатый, расписной керамический чайничек для заварки.

Вся прелесть в том и заключается, что чай приготовлен не на газовой или электрической плите, а на обыкновенной печке, стоящей на улице под навесом. Дымок от печи идёт особый, лёгкий, смолистый, не похожий на удушливую гарь лесного пала, не отдающий горьким привкусом пепла от сгоревшего человеческого жилища.

Заливаешь в заварочный чайник с листьями мяты кипяток, ждёшь минут пять и чудо — напиток готов. По округе тёплыми волнами разливается томный, сладковатый аромат мяты. Делаешь глоток и ощущаешь лёгкую горечь, чуть холодящую и бодрящую. Сразу проходит сковывающая тебя сонная одурь душного дня, улетучивается вялость, и будто молодеешь.

И вот с утра пораньше, пока не начался солнцепёк, прихватив с собой пакет и перочинный ножичек, я отправился на заветную полянку. Впереди меня, важно вышагивая и не громко гогоча, шествовала небольшая стайка гусей. Они шли мимо больших листьев бузины, с чёрными, как вороний глаз ягодками, ершистых чертополохов, украшенных маленькими розовыми коронами, весёлых, беззаботных ромашек и скромных цветков пастушьей сумки к реке.

Бурая корова, с большими грустными глазами подняв голову, и протяжно промычала вслед гусиной стае, что-то обидное для них. Но, те не удостоили её даже малейшего внимания.

Подойдя к небольшому бугру, нависшему над водой, гуси, словно расшалившиеся детишки с громкими криками, бросились в реку, оставляя за собой мутный след. Окунувшись в воду, они утихли, с удивлением поглядывая, друг на друга, недоумевая, мол, с чего, это мы братцы то, так расшумелись.

Что бы добраться до полянки, мне нужно перейти на другой берег реки по неглубокому перекату. Закатываю брюки, снимаю

сандалии, держа обувь в руках, вхожу в воду, широко раскинув руки, иду, балансируя, чтобы не поскользнуться на острых камнях. Первый шаг и холодная вода обжигает ноги, захватывает дух. Второй шаг даётся легче, вода уже не кажется жгучей. Мелкие волны, с лёгким журчанием, будто маленькими прохладными пальчиками, касаются ног, спешат дальше к далёкому синему морю.

Перейдя перекат, сажусь на бревно у самой кромки воды. Нужно обуться, идти дальше. Но, почему — то не уже идти ни куда и не хочется.

Сижу и смотрю, как на мелководье, словно, мелкие соринки, шныряют стайки рыбьей молоди, то всплывая к самой поверхности, то исчезая в прохладной глубине.

Над ними, отражаясь в воде, изредка проплывают в голубом мареве пушистые облака, обласканные солнечными лучами, и исчезают за кронами старых, с грубой корой верб. Рядом с вербами стоят скромные, юные красавицы ивы. Наклонившись над рекой, они любуются своим отражением, тёплый ветерок нежно перебирает их зелёные косы.

Где-то скрытый в их листве, поёт соловей, старательно выводя благозвучные трели.

И так легко, беззаботно, словно нет ни каких проблем, горестей, только одна мысль заполняет душу: «Хоро-шо, то как, Господи!»

ЛЕС

Всякий раз, когда я приезжаю на родную Кубань, меня непреодолимо тянет в лес. Он начинается сразу за рекой с жёлто-мутной водой, лениво текущей рядом с домом матери.

Огромными зелёными пузырями высятся над станицей холмы и горы с узкими ложбинами, по которым, после сильного ливня или таяния снегов, несутся бешеные пенистые потоки грязной воды, вливаясь во вспухшую от половодья реку.

Мне нравится предвечерний лес, когда спадает полуденный зной, веет прохладой, нет изнуряющей духоты.

Стоит тишина как в храме, когда заканчивается служба, и людей там почти не остаётся. Ветер застыл, не дыша, птицы умолкли, тревожно прислушиваясь к торжествующему покою.

Медленно, ступая по скользким камням, вхожу под изумрудные своды. Иду осторожно, чтобы, не хрустнула ветка, не шуршали листья под ногами, стараюсь не нарушить гармоничной симфонии тишины.

В этом лесу царствует старый почтенный дуб, с огромной раскидистой кроной, император среди деревьев. Его кора давно сморщилась от старости и потрескалась. Прикоснувшись к его стволу, улавливаю его мысли, он так же понимает, о чём я думаю.

Он очень стар, этот дуб, но ещё не дряхл. Многое ему пришлось видеть, многое познать. Мир менялся на его глазах, мимо него проходили люди с разными судьбами. Мудрость времён таится под его ветвями.

Рядом с дубом, иронично покачивая листвой, растёт юный ясень. Ему кажется, что этот старожил, с его замшелыми воспоминаниями ничего не смыслит в новых временах.

Что может ответить старик? Он ведает, что придёт срок, он истлеет, не останется даже пенька. Ясень же будет расти, и к нему тоже придёт старость и мудрость. Потом иссохнут его корни, древесина превратится в труху. А рядом с ним будет стоять молодой дубок, выросший из жёлудя давно исчезнувшего патриарха, с усмешкой, посматривающего на благородный ясень, осенённого годами.

Потом этот дубок состарится, а возле него поселится молодой ясень. И так будет из века в век, до скончания мира.

Не спеша бреду сквозь галерею белых стволов ясеней, сияющих в переливах солнечных бликов, к светлому просвету на краю леса, выхожу на небольшую лужайку.

Резкий запах девясила, сладкий привкус медуницы дурманит голову. В глазах рябит от разнотравья, буйства красок и от-

тенков. Здесь и приветливый кипрей, с его нежно-розовыми цветками, скромный, тускло-жёлтый зверобой, солнечные ромашки почтительно расступаются, пастушьи сумки, застенчиво кланяются белыми, как наряд невесты соцветьями. Живут они здесь дружной семейкой, вместе переживая зной и холод.

Только зловещий, ядовитый борщевик, разлаписто раскинувший свои изрезанные, острые листья, как изгнанник, держится гордо и одиноко, возвышаясь над прочими травами.

Обхожу травянистый ковёр по кромке, дабы не помять ненароком какой-нибудь стебель, опасаюсь сломать тонкую былинку, внести разлад в их размеренную жизнь.

Пора уходить. Меня провожает прощальный взгляд тысяч глаз зеленеющих трав, ветвистых деревьев, скрывающихся в потаённых местах зверей, непоседливых птах.

В лесу осталась частичка своей души, лес подарил мне частичку своей души. Он благодарит меня за то, что я не вторгся грубо в его пределы, не нарушил величавого покоя. Я благодарен ему за очищение от суетности мира, красоту, мудрость и понимание.

РЫБАЛКА

Мне давно хотелось сходить на рыбалку. Живя в большом городе, в череде суетных будней трудно найти время посидеть у реки. Отпуск, к тому же на юге, иное дело, спи, сколько хочешь, иди, куда душа пожелает.

В магазине купил удочку на катушке, на чердаке сарая нашел старое удилище из орешника, накопал червей, теперь осталось наловить рыбки большой и малой.

Прошёл огород, за ним небольшой лужок, вот и речка. Она не широка, не более десяти метров шириной. Место выбрал между старой вербой с кривым стволом, и засохшим от старости ясенем. Здесь берег пологий, по ступенькам, сделанным в плотной утоптанной глине, можно спуститься к самой кромке воды. Дальше, за деревьями, начинаются непроходимые заросли крапивы, бузины, колючей лесной ежевики.

От ясеня отломал рогатину, воткнул её в землю, она послужит упором, чтобы всё время не держать удилище в руках. Поплевав, как заправский рыбак на крючок с наживкой забросил удочку. Течение почти незаметное, поплавок медленно, нехотя плывёт по жёлтой мутной воде.

Становится жарко, солнце всё сильнее и сильнее распаляется, воздух плавится от нагретой земли. Сквозь зыбкое мерцание всё вокруг: травы, деревья, дома кажется размытым, нереальным.

На огородах никого не видно, в такую жару предпочтительно работать в тенёчке. У хозяек полно забот, самое время готовить всякие разносолы на зиму, сладкие компоты и варенья на радость детишкам.

А мне можно и позагорать. Снимаю футболку и сладко млею от тёплых ласковых лучей, приятно щекочущих ставшее бледным за долгие зимние месяцы тело.

Не клюёт! Так хочется поймать большую рыбину. Хорошо, если бы это был сазан, с крупной тёмно-жёлто-золотистой, переливающейся чешуёй, жирный, губастый с небольшими усами. Неплохо если клюнет лещ, похожий на сазана, отличающегося от него плоским телом, такой же золотистый, но с красноватым отливом.

Кого я не хотел бы поймать — это ерша. Говорят, уха из него отменная, но возни с ним! Огромным, для такой маленькой рыбки ртом жадно заглатывает наживку, измучаешься пока достанешь крючок. Покрытая слизью она изворачивается, норовит больно уколоть своим острым плавником.

Мало поймать рыбу, нужно ещё её приготовить, почистить, разрезать, обвалять в муке куски с упругой розовой мякотью. Вот уже и масло на сковородке кипит, пузырится. Рыбка покрывается коричневой корочкой, мякоть белеет, становится рассыпчатой. А если ещё залить сверху обжаренным в томатной пасте лучком, получается вкуснятина!

Поклёвки всё нет и нет. У нас в Сибири, особенно весной, когда оттаивают ручьи, и рыба спешит к свежей воде, ловить её

можно ловить сколько хочешь. Встают рыбаки рано утром на заре, ни что не может их остановить ни слякоть, ни холодный промозглый ветер. Пробираются к заветному озеру, проваливаясь по пояс в рыхлый мокрый снег. Возвращаются обратно с горящими от азарта глазами и на вопрос, много ли поймали, отвечают небрежно: «Нет, всего два мешка». И куда им столько? Ну, пожарят, сварят уху, засолят, раздадут родственникам и знакомым, часто пахнущую нефтью и болотиной рыбу.

Неожиданно поплавок дёрнулся, пошёл в сторону, закачался. Судорожно хватаю удилище, предвкушаю, как сейчас оно согнётся, вода забурлит, рыбина рванётся на спасительную глубину, стремясь забиться под корягу, оборвать леску. Выдёргиваю удочку и…, на крючке беспомощно болтается небольшой, с палец в длину, зеленовато-серый с чёрными точками вдоль спины, пескарь. Снимаю его с крючка, маленькая рыбка бьётся на ладони, оставляя маленькие крупинки чешуи, хватает судорожно ртом чуждый для неё воздух. Не знает пескарь, сейчас решается его судьба, то ли оставить его на съедение коту, то ли отпустить. Любовь к природе побеждает, размахнувшись, бросаю его обратно в речку. Пусть живёт, судьба у него и так нелегка, а тут ещё эта неведомая беда — крючок, больно вонзившийся в губу. Стучит тревожно маленькое рыбье сердечко от страха, отдышится он в воде, и жить дальше, всё с оглядкой, не попасть бы на съедение стремительной щуке или прожорливому окуню.

Надежда на улов ещё не угасла окончательно, насаживаю нового червя. Меняю глубину, забрасываю удочку то, ближе к берегу, то почти на середину реки — всё бесполезно. Загадываю: ещё десять раз заброшу удочку, ничего не поймаю, пойду домой. Результат тот же. Отчаянно уговариваю себя, ещё пяток раз и всё, домой!

Ясно, клёва уже больше не будет. Может рыбак из меня плохой или место не рыбное. Сматываю удочку и вдруг понимаю, не важно, что нет улова. По крайней мере, завтра поеду в районную станицу, куплю на рынке свежих карасей, пожарю, поем. Важно другое: пройдёт время, я вернусь обратно, и глядя сквозь

хрустальную мозаику замёрзшего окна на оцепеневший от холода, освещённый бледной унылой луной, укутанный в туманную изморозь северный город, я буду вспоминать лето. Будет мне грезится эта река, васильковая синь небес, горьковатый привкус полыни в воздухе, щебетание птиц, и это согреет мою душу в самый лютый мороз.

ВЯЧЕСЛАВ САЗАНОВИЧ

ПРИТЧА О ТОМ, ЧТО ПОЯВИЛОСЬ ПЕРВЫМ

В старо-стародавние времена, в Каменном веке, людей было мало. А богов много. У каждого рода, у каждой семьи были свои боги. Как известно из учебников по Истории, в те времена в моде матриархат находился. Поэтому боги прислушивались только к женщинам. А мужчинам и тогда приходилось все самим делать. Это предыстория, а история такова.

Вышла, однажды, из семейной пещеры женщина, присела на камень у входа. День стоял солнечный, безветренный. Окинула она взглядом маленький огородик, на котором созревала пшеница, морковка и прочие сельскохозяйственные культуры. Посмотрела на одомашненных коз и коров, которые паслись рядом, на лугу.

Посмотрела-посмотрела на то, что видела уже много лет, и вдруг ей захотелось получить что-то новое! Необычное! Но сформулировать она свою мысль не успела, потому что из-за угла пещеры выскочил ее муж. Муж сиял от радости и катил перед собой что-то плоское и круглое, внутри которого находились палочки, соединенные звездочкой.

— Что это ты опять выдумал? — спросила недовольно жена.

— Эх ты, женщина! Это же колесо! Я его сам изобрел! Только что! — улыбаясь воскликнул муж.

— Ну, ну, — ответила жена. А сама подумала: «лучше бы ты чего полезное придумал –побелку для потолка, например, или обои».

А потом добавила:

— Сходи огород прополи, совсем ведь он сорняком зарос.

— Иду, иду, только не ворчи, — сказал муж. Прислонил свое «Ноу-хау» к стене пещеры отправился на работы.

Жена проводила мужа взглядом и вновь задумалась над своим желанием.

Долго думала женщина над желанием. Минуты три, наверное. А потом поднялась, подошла к идолу своего семейного бога — Дай-бога рухнула перед ним на колени и запричитала:

— О, великий Дай-бог! Редко обращалась я к тебе со своими желаниями! Но ты их всегда выполнял. Выполни и в этот раз! Сделай мне пожалуйста такую штуку, чтобы она была маленькая, мягкая и теплая. Чтобы ходила и чтоб руками ничего делать не умела, мне мужа достаточно. — потом вспомнила про побелку и добавила, — Но, чтобы эта штука еще была твердой на ощупь и выглядела как побеленный потолок… и желательно еще, чтобы хрупким было. Но если сломается, чтобы не погибало!

Затем женщина подошла к стене пещеры взяла колесо, выдуманное мужем. Выбила из колеса палки-звездочку, положила его недалеко от входа в пещеру, присыпала соломой. И, глядя на идола, продолжила:

— Выполнишь желание, положи его завтра сюда, в шесть утра.

Дай-бог в это время на облаке был, над пещерой, и все слышал. Почесал-почесал он затылок, подумал, как можно выполнить такое желание женщины. Попытался представить, что могло вырисоваться в голове у женщины. Понял, что ничего не понял. А потом решил свалить задание на двух своих подчиненных подбогов — Мягкодела и Твердодела, мол, пусть они решают проблему.

Вызвал он их к себе, рассказал, что хотела женщина и закончил речь фразой:

— И чтобы сделали к завтрашнему, к половине шестого!.. Мне, просто самому стало интересно, что получится. Хочу полюбоваться немного.

А Мягкодел и Твердодел недружны были между собой и разошлись они выполнять задание по своим мастерским...

...Завершился день, умчался вечер, ночь пронеслась. Часы на облаке дотикали до половины шестого. Пришли Мягкодел и Твердодел на облако к начальнику с поделками своими.

— Ну, — нетерпеливо заговорил Дай-бог, — показываете, что у вас получилось.

Первым показал свое творение Мягкодел. В руках его был какой-то пухлый комок. Вторым показал свое творение Твердодел. В руке он держал что-то похожее на отполированный камень.

— Не понял, — сказал Дай-бог, — почему, у тебя Мягкодел, мягкое, но не твердое, а у тебя, Твердодел, твердое, но не мягкое?

— Как я могу сделать, чтобы мягкое еще и твердым было? — удивился Мягкодел.

А Твердодел поддакнул:

— А как я могу твердое сделать еще и мягким? Из нас троих, главный ты, вот ты и объединяй!

Опять задумался Дай-бог, над желанием женщины, которое закон. Но время поджимало и поэтому пришлось ему отправить на Землю в колесо то, что было изобретено.

В шесть утра проснулись муж с женой от какого-то непонятного звука с улицы. Вышли они из пещеры и видят — на колесе, на соломе, сидит какое-то неизвестное живое существо, а рядом нечто похожее на камешек белый, отполированный.

— Ура! — воскликнула женщина, — Спасибо тебе, Дай-бог! Ты выполнил то, что я хотела!

Потом обернулась к мужу и спросила:

— Как, муж, мы это назовем?

Тут уже и муж задумался. И предложил вскоре:

— Ну, пусть то, что шевелится, будет курицей, а то, что твердое — яйцом.

И после этих слов, на глазах у женщины и мужчины, яйцо зашевелилось, треснуло и из него показалось новое пушистое существо.

— Ура! Ура! — снова закричала женщина и припомнила последние слова своей просьбы, — Но, если сломается, чтобы не погибало!.. Я назову эту маленькую курицу цыпленком!

Тут уже и большая курица поднялась над соломой. А под ней оказалось новое яйцо. Женщина схватила его побыстрее и побежала жарить яичницу.

А мужчина остался стоять и смотреть на курицу, цыпленка, яичную скорлупу. Представил, как помощники Дай-бога выполняли заказ его любимой женушки. И именно в те мгновения он впервые в жизни по-настоящему задумался — а что все-таки сделали первым? Что появилось раньше? Яйцо или курица?

Прошла пара месяцев, и женщина высказала Дай-богу новое желание: «Хочу, чтобы ты сделала для меня еще одну вещь — чтобы если укусишь, было сладко, а если укусит — было больно». Так, вскоре на земле появились яблоко и змей. Но это уже другая история.

АНЖЕЛИКА БИВОЛ

К МОРЮ

Дом стоял на окраине города. Обычный дом — крыша, пять этажей. И жители в нём жили обычные. Утром школьники убегали на занятия, студенты — на лекции, взрослые — по разным своим работам и делам. Дом всех провожал, улыбался окнами. Пускал в небо солнечных зайчиков.

Однажды дом загрустил:

— Каждый день одно и то же! Дверьми хлопаю, окнами моргаю! Хочу выходной! Хочу к морю!

В тот же день на подъездах появилось объявление:

«Уважаемые жильцы! В выходные я отправляюсь к морю. Желающие остаться, могут найти себе временное жильё. Остальным следует плотно закрыть окна и балконы на время полёта.

Отправление в субботу в 7,00. Вылет домой — в воскресенье в 16,00. Ваш дом».

Утром в субботу дом проверил, хорошо ли закрыты окна. Захлопнул двери подъездов.

«Расчётное время полёта — три часа, — раздалось из системы оповещения». Зонтики, забытые во дворе, дом укрепил на крыше. Раскрыл зонты и взлетел!

— У меня получилось! — радовался дом.

— Ура! Мы летим! — восторженно кричали дети.

Взрослые молча качали головами.

Берёзки у подъездов на прощание махали ветками. Клумбы и скамейки загрустили. Удивлённо мяукали коты. Только качели были невозмутимы:

— Скрип-скрип, куда он денется? Вернётся! Отдыхайте пока от беготни и болтовни.

Дом летел в облаках. На взлёте он столкнулся с птицами. Птицы испуганно разлетелись в стороны.

— Вот ненормальный! — каркали вороны.

— Куда собрался? — спрашивали голуби?

В небе повыше дому встретился самолёт. Он осветил дом бортовыми огнями и пролетел мимо. Пассажиры и жильцы махали друг другу в окна и иллюминаторы. Дом попросил жителей включить свет в квартирах, чтобы стать заметным в небе.

Море все увидели издалека. Огромное. Синее. Жители прилипли к окнам. И снова кричали «Ура!» Приземлился дом прямо на пляже. Взрослые и дети выбегали из подъездов, и сразу — бултых! — в воду.

— Это он хорошо придумал! — радовались теперь взрослые.

Два дня жители купались, загорали. Собирали ракушки, искали камешки с дырочкой — на счастье. Строили замки, фотографировались. Чтобы потом вспоминать и показывать друзьям, какой у них замечательный дом, и как он здорово придумал — вывезти всех на море! Дом дышал всеми окнами, слушал крики чаек и шептался о чём-то с тёплым морским бризом.

В воскресенье ровно в 16,00 дом захлопнул двери подъездов, проверил окна. Раскрыл зонтики, поймал в них порыв ветра, и… Не смог взлететь. Он попробовал ещё раз. И ещё раз.

По системе оповещения дом попросил жильцов обойти вокруг него. Посмотреть, может, кто-то привязал его к пирсу? Проверить, не отрос ли за два дня у него якорь? Не пустил ли он корни?

Жители всё осмотрели. Ничего не обычного не заметили. «Что случилось?» — задумался дом. Взрослые снова качали головами. А дети радостно несли в дом новые сувениры.

«Стоп-стоп! — раздалось из системы оповещения. — Я понял! У нас перегруз! Проверьте, сколько камней в квартирах. Лишнее оставьте на берегу». Целый час жильцы возвращали на берег камешки, ракушки, веточки и стёклышки.

Наконец, дом смог подняться в небо. Жильцы из окон махали морю, чайкам, пляжу. Ветер был попутный. Поэтому обратно

долетели быстрее. Дом мягко опустился на своё место. Закрыл зонтики, спрятал их на чердаке.

— Наконец-то! — Приветствовали его скамейки.

— Ммяуу! — хором просились в подъезды коты.

— С возвращением! В следующий раз и нас с собой бери, — попросили качели. — Мы можем крутить «солнышко» и быть пропеллером.

— Договорились! — Ответил дом, — С пропеллером нам и горы нипочём! Готовьтесь!

МАЛЕНЬКАЯ ВОЛНА

— Ш-ш-ш, тише, — успокаивал дедушка Море маленькую Волну. — Что ты расшумелась? Парусник чуть не перевернула.

— Я уже большая! Тоже хочу купать солнце в объятиях вечером, как и старшие сёстры-волны. А моя очередь никак не наступает!

— Во дела! Разве тебе можно солнышко доверить? Зачем ты осьминогу щупальца запутала?

— Осьминог! Он — жадина! Нашёл бутылку, и даже посмотреть не разрешил!

— Тебе только покажи что-то красивое, ты сразу утащишь, а потом и сама не найдёшь. А чайку зачем обидела?

— Да она же ябеда! Всё всем рассказывает! Ну, хорошо! Я больше не буду чаек трогать! Можно и мне солнышко баюкать?

— Помирись с осьминогом. И начни вести себя, как взрослые волны — спокойно и благоразумно!

— Дедушка, это же очень скучно! Ну, хорошо, я попробую.

Утром Волна любовалась восходом солнца, ловила его лучи и играло бликами. Поболтала с ветром, пожелала ему хорошего дня. Потом разыскала осьминога и помогла ему расправить щупальца.

— Давай мириться! Не бойся! Я теперь буду взрослой и благоразумной.

— Благоразумной? Это как?

— Ну, медуз не подкидывать, чаек не пугать, не обижать никого.

— Спасибо, что помогла распутаться. Спокойной и благоразумной волной стать ты ещё успеешь. А пока порезвись в своё удовольствие. Только, конечно, обижать никого не стоит. И не торопись взрослеть! — сказал осьминог и зарылся в песок.

А в волну вплыла стая ярких рыбок.

— Остров! Новенький остров, — прощебетали они и уплыли.

Волна огляделась по сторонам, увидела остров, которого раньше не было. Позвав на помощь ветер, она покатилась к острову. Вместе с моллюсками, водорослями и морскими коньками. Они всегда путешествуют вместе с волнами.

— Здравствуйте! — выплеснулась волна на берег. — Ух, ты, как здорово!

Волна отступила и выплеснулась ещё раз.

Ей очень понравилось гладить песок, звенеть камушками, собирать обратно в воду отставшие водоросли. Иногда ветер дул ей в спину, тогда Волна плескалась сильнее и громче. Из-за этого она однажды чуть не смыла солнечные очки, лежащие на песке рядом с большим полотенцем.

— Ты очень красиво плещешься у берега, — сказала ей знакомая чайка, гуляющая в прибое. — Здесь много детей. Будь осторожна, не напугай их.

Ребятишки с восторгом шлёпали по воде босыми ножками. Дети постарше строили замки, плавали и ныряли. От их возни Волне было щекотно, и она то накатывала на берег, то отбегала назад. Волна радостно играла с детьми, качала надувные круги и матрацы. Она попросила ветер не сильно подгонять её.

Вечером волна любовалась солнцем, которое опускалось на ночь в воды её старшей сестры.

— Знаешь, — шептала она дедушке Морю, — когда-нибудь я тоже вырасту, и буду баюкать солнце. А сейчас мне нравится играть с ветром, плескаться на берегу, радовать детишек. Можно я ещё немного побуду маленькой?

— Конечно! — обрадовался дед. — Ты ещё успеешь стать большой волной! Качать огромные корабли и баюкать солнышко. А пока плещись у берега и мечтай! Помни, самые радостные мечты исполняются!

ШНУРОК

Идут по дорожке два братца-кеда.

Топ-топ, то-оп, топ-топ, то-оп.

— Давай побыстрее, не отставай! — говорит один другому.

— Я не могу быстрее. Видишь, шнурок развязан.

— Завяжи! Нос нужно мыть, а шнурки завязывать!

— Нет-нет! Сейчас модно ходить со свободными шнурками.

— Ну, смотри! Тогда не отставай!

Топ-топ, то-оп, топ-топ, то-оп. Кеды идут, а шнурок рядом прыгает. Р-раз! И зацепился за ветку. Кед от неожиданности подпрыгнул и упал.

— Ничего себе! — пробормотал он, потирая ушибленный нос. Потом поднялся, отцепил шнурок и побежал догонять брата.

Шнурок по сторонам смотрит, свободными концами прыгает по дорожке. Взял и прицепился к велосипеду.

— Ай-яй-яй! — закричал кед, закувыркался следом за великом.

Велосипед остановился, отцепил шнурок. Кед, поохивая, потирая ушибленные места, побежал за братом.

Шнурку понравилась свобода. Он нагибает травинки, одуванчики по головкам бьёт, воробьёв пугает.

— Какое стёклышко красивое! — Шнурок тянется назад. Кед оступается, путается в собственном шнурке, чуть не падает.

— Давай скорее, наш автобус!

— Иду, — отвечает брат и вытягивает шнурок из кучи тополиного пуха. Он там петлёй свернулся –голубей ловить.

Пока братцы ехали в автобусе, шнурок встретил такой же свободный шнурок. Зацепился с ним. Заболтался. Кедам пора выходить. Один уже на тротуаре стоит, а другой никак– шнурок

держит. Двери вот-вот закроются, а шнурку и дела нет! Кед ка-ак дёрнет шнурок, выскочил из автобуса!

Шнурок недоволен — поговорить не дали! Цепляется за всё подряд! За поводок собаки, за чемодан на колёсиках, за скамейку в сквере. Кед устал от его вольностей! А шнурок в лужу залез, вылез грязный, мокрый, обрызгал всех вокруг! Был ярко-лимонным, а стал серым!

— Нет! Так дело не пойдёт! — сказал кед и стал завязывать шнурок.

— Ай-ай! — закричал шнурок, — Не надо! Мне понравилось быть свободным!

— От твоей свободы — одни неприятности! Правильно говорит братец: «Нос нужно мыть, а шнурки завязывать!»

КАМУШЕК

Внутри большого ботинка жил маленький камушек. Жил тихо и скромно. Старался человеку на глаза не показываться, под пятку не закатываться. А если случалась такая неприятность, прятался под мягкую стельку, чтобы его не вытряхнули наружу.

— Чтобы ты делал без меня? — ворчала стелька.

— Спасибо, что выручила и в этот раз, — улыбался камушек.

Так и жил, прижавшись к упругому кожаному носку ботинка. Вечерами, когда ботинок отдыхал от долгой ходьбы, камушек позволял себе побегать. От пятки к носку и обратно. Набегавшись, он удобно укладывался в ложбинку от большого пальца и засыпал.

Часто он вспоминал родину — большую мать-гору, похожую на голову лягушки. Он лежал там среди множества таких же камушков. Слушал шорохи листьев, свист ветра. Иногда на гору приходили туристы, разводили костёр, пели песни, веселились. Камушку очень нравилось смотреть на людей, ему казалось, что там, откуда они пришли — настоящая жизнь. А здесь, на горе — серо и скучно.

Однажды он запрыгнул в ботинок и оказался в той, другой жизни. Но что это была за жизнь! Темнота и теснота. Он пере-

знакомился со всеми человеческими носками, узнавая их по мягкости и запаху. Благодаря болтливому шнурку знал, где любил бывать человек и куда он направляется сегодня. Камушек скучал по своей мать-горе и жалел, что покинул её.

Время шло. Камушек становился всё грустнее. Он уже не бегал по ботинку вечерами. Мать-гора, как и любая мать, чувствовала грусть своего ребёнка. Сначала она надеялась, что ботинок вернётся, и с ним вместе вернётся камушек. Потом перестала ждать и решила сама спасать непутёвого ребёнка. Каждый день она потихоньку приближалась к городу. Люди заинтересовались необычным происшествием, газеты стали писать панические статьи. Горожане переполошились, встревожились учёные: что же будет дальше, если все горы начнут двигаться самостоятельно? Но гора ничего этого не знала и продолжала движение.

Многие приходили посмотреть на необычную гору. Это же очень интересно — двигающаяся гора! Пришёл и наш ботинок. Камушек, узнав об этом от шнурка, закатился под самую пятку и, наконец, позволил человеку вытряхнуть себя из ботинка.

— Ура! — ликовал камушек, — я дома!

— Наконец-то я тебя нашла, — шептала ему гора.

Гора прижала к себе сына и прекратила движение. Газеты снова подняли шумиху, учёные проводили новые исследования. Но никто во всём мире так и не смог объяснить это необычное природное явление.

АЛЕКСЕЙ ГОРСКИЙ

СОБАКА ХОДИТ В ДЕТСКИЙ САД

Моё знакомство с собакисом

Не знаю, рассказывать ли тебе эту историю. Ну да ладно, расскажу по старой дружбе.

У нас тут в начале мая история одна приключилась с собакой. Тютчев любил грозу вначале мая. А у нас в начале мая оказалась собака, которую я, впрочем, не очень-то и любил. Я всё больше как-то по кошкам, да по кошкам. Возможно, здесь мой львиный гороскоп этому способствует. Но не в этом суть. А суть здесь, дорогой читатель, в следующем.

Звонит мне завхоз, значит, и говорит, что у нас на территорию сада прошла собака. А собакам в детский сад ходить запрещено. Только дети туда ходят. Для собак не предусмотрено у нас. Ну что делать, думаю, может собачка небольшая забежала. Нужно помочь бедняге переместить своё заплутавшее мохнатое тельце за забор учреждения.

На всякий случай я взял лопату. Возможно, с ней я буду выглядеть более убедительным для заплутавшего пса. Прошёл я на территорию центрального входа. Собачки пока не видно. Но зато хорошо видна у калитки фигура нашего завхоза. Софья (наш завхоз) сказала, что собака уже в холле здания.

— А она быстро освоилась, — подумал я, и направил свою ногу в место незаконного проживания собаки. Ну и другую ногу, кстати, направил тоже.

И вот, уже две мои ноги стояли в холле, а у их подножия лежал пёс. Он был ни разу не маленьким. И выглядел как болонка-переросток. В общем, среднего размера пёсик такой. Лежит се-

бе этот собакис так легко и непринуждённо, как будто это его исконное место. И словно с древних времён повелось, чтобы он там лежал. Сначала я пытался увещевать пса словами. Друг человека, как-никак. Может послушается. Но он просто смотрел на меня, не понимая, чего от него хотят.

Тогда я применил более серьёзное оружие — увещевание с визуальным эффектом. Сомкнутыми пальцами я показывал, словно хочу ему что-то дать. И со звуковым ээффектом — на-на-на! — попытался выманить собачкина с насиженного места. Но и здесь он просто наблюдал за мной. Только что пальцем у виска не покрутил. И на том спасибо.

Делать нечего, придётся применить радикальные меры. Взял, я, значит, собакина в районе подмышек и просто вынес за калитку. Он нёсся спокойно, молча и даже не поскуливал. И можно было бы здесь поставить точку, если бы не поведение пёсика. Он упорно не отходил от калитки, пытаясь прошмыгнуть в неё назад. Пришлось как швейцару караулить мне пса у калитки, следя за закрытостью дверей. А, между тем, как раз был утренний час пик, и родители с детьми постоянно нарушали закрытость калиточных дверей. В основном, родители понимали и старались протиснуться в калитку, оставляя собаку за её пределами. И только за некоторыми пришлось закрывать створки самому. Из садика тянуло запахом готовящейся еды. Даже с человеческим носом, и даже стоя у калитки, я смог уловить эти чарующие съедобные запахи. Теперь пазл сложился и всё встало на свои места. Собаку сюда привлекает вкусный запах съестного, доносящейся из пищеблока. Элементарно, Ватсон!

Как заправский голкипер, я не оставил ни малейшего шанса прошмыгнуть настойчивому зверю на территорию сада к его возлюбленной подстилке. Хотя иногда упрямый собакин был недалёк от триумфа. Уже где-то пол часа стою, караулю. А погода с утра не очень балует, и я в своей хб-шной спецовке начинаю подмерзать помаленьку. Но пока я ничего нового не придумал, как продолжать стоять и держать свои ворота «сухими».

И тут девушка подходит к калитке с внешней стороны. Видимо, мама чья-то из нашего сада. Говорит — мне жалко собаку стало, я ему сосисок купила. У меня забрезжила надежда. Сосиски — это уже не два сомкнутых пальца в качестве фальшивой приманки. Для собаки — это нечто несоизмеримо большее, способное двигать её лапы в нужном направлении — куда сосиска ляжет. Я в шутку заметил, что пёсика лучше приманить к другому садику, чтобы запах от нового пищеблока её там и оставил. Девушка отломила половинку сосиски и бросила её пёсику. Он лениво понюхал её и… всё. Это было неожиданно. Здесь вера в великую сосиску у меня пошатнулась. Неужели современные производители переусердствовали с соей и глютаматами!? Но вот пёсик нюхнул второй раз и лениво начал вгрызаться в это сомнительное мясное изделие. От сердца у меня отлегло. И вторым кусочком девушка стала потихоньку уводить пёсика прочь от любимой калитки. Мысленно поблагодарив добрую маму, я направился в свой кабинет, в надежде больше не увидеть рядом вездесущую мохнатую морду.

Собачка хочет ещё

Прошло где-то порядка 40 минут, как снова мой телефон затрезвонил зажигательным рингтоном. И опять Софья тревожит мой душевный покой за компьютером. Ну, беру трубку. Софья сказала, что собачка вновь пробралась в вестибюль, и на коврике вполне неплохо себя чувствует. Ну и пёс бы с ним. Лежит и пусть себе бока налёживает. Есть вроде не просит, хотя и хочет. Но ведь нет места животным в детском образовательном учреждении. Оно в этом мире только для детей венца творения приспособлено. Такая, брат, петрушка.

Что тут сделаешь — иду опять выдворять нашего друга человека за забор. Собака вновь проявила деревянную стойкость к моим попыткам выманить наглеца по-хорошему.

Тогда я решил попробовать вынести пса вместе с дорожкой, на которой он лежал. При первых же манипуляциях со сворачи-

ванием дорожки он стал слезать с ковролина, и я отказался от этой идеи.

Тогда мне ничего не оставалось, как прибегнуть к старому эффективному способу — перенос животного в сильных, но заботливых руках. Кто знает, может собакевичу понравилось, как его носят. Тогда он на правильном пути. И вот уже во второй раз благодаря моим перчаточным рукам, пёс благополучно перекочевал за ворота. Дальше всё по старой схеме. Караулю его, как швейцар, вовремя закрывая перед собачьим носом калитку. Тут Сергей — наш плотник пришёл на работу. У калитки тот понял суть проблемы. Он мужик пожёстче получился. Поэтому уговаривать лохматого не стал, а начал животинку ногой от калитки отпихивать. Но пёс был не маленький и отпихиваться не стал. Он всё не понимал, чего же от него хотят эти приставучие люди. Тогда Сергей прибегнул к другому методу принуждения из арсенала сурового мужика. Он взял веточку и стал похлёстывать ей по спине собачика. Собачик несколько раз взвизгнул, но остался при своём.

— Это какой-то деревянный пёс, — подытожил я, — он вообще не понимает, чего от него хотят. Мы обсудили с Сергеем различные способы решения этой проблемы. Что можно, например, позвонить в отлов собак. А можно не звонить. Просто засунуть в мешок и вынести бобика подальше от этого сакрального места. В общем, обе идеи нам показались вполне дееспособными, но решили сначала позвонить.

На миг мне показалось, что барбоскин жил у какой-нибудь бабушки, и та не приучила его к пониманию человеческих жестов. Время сейчас было не такое раннее, и поэтому поток народа в наше учреждение заметно обмелел. И я просто закрыл калитку на щеколду. Поскольку калитка состояла из прутьев, её можно открыть и изнутри. И я понадеялся, что и другие входящие будут её защеколдивать. Это, конечно, наивная надежда, но хоть на какое-то время калитка может стать неприступной преградой для неугомонного животного. Далее я снова удалился к себе в кабинет.

А он мятежный просит мяса и исчезает в никуда

Через пол часа, будучи по другую сторону здания, но шагая в направлении калитки, я уже оттуда услышал повизгивание.

— Наш Сергей играет мускулами — подумал я. Зачем он так? Его не надо. Ведь он же пёсик. Ведь он хороший. И я пошёл смотреть на дрессировку этого собачьего «Куклачёва». Оказалось, что Сергей сменил веточку на веник и пытался дать понять собачуле, что ей не место на этом месте. Ну, как-то так, в общем. Но пёс терпеливо ждал, когда закончится эта банная процедура охаживания его боков. Когда я подошёл, процедура изгнания «песа» была закончена. Пес по традиции не изгнался. И Сергей стоял, беспомощно опустив руки. Он сказал, что звонил в отлов собак, и что из-за одной собаки они не выезжают.

Тогда остался план «Б». И Сергей пошёл за мешком, наказав сторожить мне вездесущего пса. Но он и ненуждался в охране, а спокойно налёживал бока…. Где бы вы думали? Нет не у калитки, а снова в вестибюле детского сада на коврике. Я попытался выманить собачика, говоря ему — пошли! Но он меня явно недопонимал, потому что его кудрявое туловище находилось в состоянии покоя. Потом я уже просто стоял рядом с собакой, ожидая человека с мешком.

Как вдруг…. О чудо! Пёс вдруг поднялся и побежал почему-то к воротам. Через них обычно въезжают машины. Ну и выезжают, кстати, тоже. Я быстро пошёл за этим мохнатым товарищем. Нужно открыть ворота. Вдруг собакин осознал, что здесь его не любят и навострил свои ноздри в сторону пьянящей свободы. С моей помощью ворота услужливо распахнулись. И я ждал, и звал я его и алкал. Но дальше пёс не шёл. В метрах трёх от выхода за ворота он застыл как вкопанный.

Только не оскудела земля русская нашими добросердечными женщинами. Мимо проходила девушка с коляской. Увидела она это дело и дрогнуло сердечко её. И потянулась она к пакету в коляске. Пакет в коляске снабдил её руку пакетиком кошачьего корма. И открыв сей пакетик она манила за собой нашего пса.

Собакинс таким образом оказался всё-таки за воротами. И ещё раз за сегодня отведал мясного угощения из чутких женских рук. И ушёл он. Куда ушёл ты дружок? Куда? Какие ароматические дали бороздит твой чуткий нос? А через пол часа по территории детского сада ходил мужчина из службы отлова собак. Но нашего пса там уже не было.

НИНА КАЛЕНДАРЕВА

ПОДРУЖКИ

После войны восстанавливались не только селения и города, но и родственные связи. Я стала ездить к бабушке и дедушке в село Скворечное. Там у меня появились подружки Маруся и Лида. С ними вместе распевали по улице песню «Катюша» и другие. Песни нас роднили, но были городские и деревенские разногласия, даже политические.

Такой один случай. Втроём шли купаться к реке. Год 1948 (кажется). Шли и обсуждали, где лучше жить — в городе или в деревне. Вдруг Лида спрашивает меня: «За кого я, за вождя Сталина или против него». Отвечаю ей, что я за Сталина. Хожу в школу и буду грамотной. Моя мама неграмотная, потому что только богатые учились.

«Зачем ты меня, Лида, спрашиваешь?» «Затем, — отвечает она, — что наши сельские мужики против Сталина. Он такой налог мужикам в деревне сделал, что они будут голодными».

Так мы дошли до речки и поднялись на мостик. Жиденький такой из жердочек мостик. Соднойстороны только держаться можно. Стоим на мостике, а Лидка пристала: «Скажи, что не за Сталина. Если не скажешь, с мостика столкну».

Я молчу, смотрю, как вода мелко рябит, переливается под солнцем. Вдруг Лида спрашивает: «А вши у тебя есть?». «Отвечаю, да. Есть». Этот ответ породнил нас.

ПЕЧКА

Утром я пришла к Мане. Она стала мне показывать домашние фотокарточки. На одной фотографии в гробу лежала женщина. Рядом стояло знамя. Спрашиваю Марусю: «Кто это?». Маруся ответила, что это её бабушка. «А почему здесь знамя?» Услышала ответ: «Она была первая коммунистка на селе».

«Знаешь что, — говорю, — давай сделаем печку, нужна только глина».

Глину мы нашли у мазанки. Я размочила глину водой и слепила прямоугольным углом пустотелую печку. В этот длинный конец будет идти дым. А вот сюда можно прутики, как дрова положить. Всё просто. С улицы занесли печку в погребец, который был с крышей шалашом и из соломы.

Маруся пошла в дом за спичками. За ней пришла старшая сестра Нюра. «Что вы сбираетесь здесь делать?» — строго спросила она. Должна была ответить я, как автор идеи, но ответила Маруся: «Мы печку сделали. Хотим узнать, будет ли в ней гореть дрова». Нюра стала нас ругать. И правильно сделала, прогнала. Лето. Жара.

Тогда мы с Манькой вышли на улицу к дороге. Улица в селе широкая. По сторонам дороги сплошная канава для стока воды. У канавы поставили печку. Коротенькие тоненькие веточки, как дрова, положили внутрь с краю. Стали зажигать веточки, но они не загорались.

Вдруг Манька сказала: «Подожди! Я сейчас приду!». Она пошла на свой двор и принесла промасленную бумагу от каких-то железок. Это потом я узнала, что папа у сестёр Неуструевых был комбайнером и бумага от него.

От большой бумаги оторвали часть и затолкали внутрь печки. Зажгли снизу. Огонь взметнулся из трубы.

Мы, две девочки, стояли и смотрели. Было даже страшно. Когда прогорело, больше не стали бумагу эту использовать. Печку выбросили. Лето. Жара. В селе тихо. Людей нет.

Если бы не старшая сестра Нюра, мы спалили бы всю улицу. Благодаря ей, всё обошлось.

МОЯ «ЗОЛОТАЯ» МАМА

В крестьянских семьях России было принято иметь много детей. Для них, подрастающих, находилось всегда много работы по дому и в поле. Крестьянин имел большой надел земли. Семью кормила скотина. Обязательно была лошадь.

Так получилось в семье, что из первых подрастающих девочек моя мама оказалась самой крепкой по здоровью и, значит, способной к труду. Она стала помощницей отца по уходу за домашней лошадью. Кормила её зерном, чистила, одевала снаряжение. Когда не доставала надеть уздечку, лошадь Машка опускала голову.

Маме нравилось на своей лошадке ехать верхом на водопой к речке. Там собирались деревенские мальчишки. Там было весело. В жаркие дни купались.

Однажды мама, купаясь, зашла далеко и стала тонуть. Только две длинные косы были на воде. За них и вытянули.

Волосы очень украшали маму. Впереди они завивались в кудряшки, но их она прятала под платок.

Память о лошадке осталась таким образом: Надо была накормить лошадь овсом. Мама пошла с ведёрком к ларю, где хранилось зерно. Его оставалось не так много. Чтобы набрать со дна, надо было нагнуться. Вставая, она балансировала ногами и одной задела косу, которая висела рядом. Острое лезвие косы оставило след на ноге выше коленки как память о домашнем животном.

***

К нам с улицы в оконышко
Заглядывало солнышко.
Янтарное, медовое
Смеётся лето новое.

Листве зелёной весело.
Весна её развесила.

По солнечной лужаечке
Гулять я вышел в маечке.
Пришло к нам лето новое —
Клубничное, медовое.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Людмила Елистратова . . . 3
В жаркий день . . . 3
Белая ночь . . . 4
Лето в деревне . . . 4
Афалины . . . 5
Прогулка на лошадке . . . 6
В Турции . . . 7
Навеяло . . . 7
«Все лужи высохли, асфальт ослеп...» . . . 8
Маргарита Сладкова . . . 9
А над Каменным Мысом... . . . 9
О чём . . . 9
Тюльпанно раскрывшись . . . 10
Сквозь шум . . . 10
Время суток — бытие . . . 11
Без малого . . . 12
День . . . 12
Первый . . . 12
Северные июни . . . 13
«Клеверово ковровое...» . . . 13
Анжелика Бивол . . . 15
Время белых ночей . . . 15
А ты умеешь слушать тишину? . . . 15
Уплыву далеко . . . 16
Проснулся лес . . . 16
Звёздами . . . 17
Подарок . . . 17
Деревенька . . . 17
В вечность . . . 18
Под покрывалом ночи белой . . . 18
Август. Звёзд падение . . . 19
Петр Суханов . . . 20
Лето . . . 20

На рыбалке . . . 20
«Вновь дождевые облака нависли...» . . . 21
Сила любви . . . 22
Июнь . . . 22
Июль . . . 23
Август . . . 23
Марина Кондакова . . . 24
Летний цикл . . . 24
«Июль на работе — сплошное мученье...» . . . 24
«На уступе замшелой и древней скалы...» . . . 25
Таёжный ворон . . . 26
«Кто помнит фильмы детские?..» . . . 27
Ошибка дятла . . . 28
Привет из детства . . . 29
Выход из положения . . . 30
Наталья Усова . . . 31
Лето . . . 31
Август . . . 31
Лужа . . . 32
Июнь умытый, молодой... . . . 32
Жеребёнок . . . 32
Деревня. Август . . . 34
Что же ты грустишь, корова? . . . 34
Ветка отогрелась у окна . . . 35
Без рук . . . 35
Скажите маме ласковое слово . . . 36
Александра Лазарева . . . 37
Счастливая . . . 37
О дожде . . . 38
Живая вода . . . 38
Гусиные лапки . . . 39
Не опоздайте . . . 39
Обнимаю колосья пшеницы . . . 40
Ночь, словно ткань... . . . 41
Оберег . . . 41

Хочу домой 42
Я давно не живу в деревне 42
Откровение 43
«Я, босая, иду по земле...» 44
Егор Елистратов 45
Безмятежность 45
Дуновение 45
Дом на воде 46
Летняя прогулка 46
Взгляд в детство 47
Незнакомка 47
Остановись на миг 48
Вячеслав Сазанович 49
Иду случайным визитером 49
Клумба с гвоздикой 50
«Неделю льется вниз вода...» 51
Здравствуй, светлая полоса! 52
Клочки ободранной афиши 52
Бабочка капустница 53
«Сгорбились фонарные столбы...» 53
Луна 54
В эту ночь заглянула Муза 55
Евгений Максимов 56
«Всё расцвело... И лета звуки...» 56
Вечерняя зарница 57
Июнь 58
Июньский вечер 59
«Природа — есть причудливый художник...» 60
На рыбалке 61
Дождь 62
Галина Ильина 63
Ах, что за лето 63
Предгрозовая 64
Быть оберегом 65
Отдохнуть от канители 65

Кораблик Счастья . . . 66
Пробуждение . . . 67
В Новом Свете. Крым . . . 68
Я приехала в Лето . . . 69
Ирина Тодорова . . . 70
«Во тихом дворике не всё благополучно...» . . . 70
«Завтра да будет день!..» . . . 71
«Слёзы мои, не роняйтесь!..» . . . 71
Другу . . . 71
Ночное небо . . . 72
У лунных дюн . . . 73
«Березы охали, стенали...» . . . 73
«Сияют розы в зеркалах...» . . . 74
Василий Коненков . . . 75
Заплутавшее лето . . . 75
Пожелание дачникам . . . 75
Лето . . . 76
«Там скалистые склоны в деревьях зеленых...» . . . 76
Александр Любякин . . . 77
Русь . . . 77
«Спасибо, родная река...» . . . 78
«Берёзоньки, любимые подружки...» . . . 79
Сон . . . 79
Лето улетает . . . 79
Июль . . . 80
Алексей Горский . . . 81
Чёрные одежды . . . 81
Женщинам с букетом . . . 82
Я покидаю край родимый . . . 82
Какой же век у нас не длинный . . . 84
До чёртиков — за дам! . . . 84
Явно не простак . . . 85
Сова и жаворонок звонкий . . . 85
В мире сказок узри инновацию! . . . 86

Алексей Томшин 87
«Писать о том, что вновь идут дожди?..» 87
Небесный гардероб 87
Скрип ступенек 88
Дырка от «бублика» 89
«Таких, как я, рождается немного...» 89
Сказка «Колобок» 90
Вита Федина 95
Начало июня 95
Солнцепрядное лето 95
Неутешительный прогноз 96
«Грозы нам прогноз пророчат...» 96
«Загулял ветер — повеса ...» 96
Затаилось лето 96
Ностальгия 97
Тёплые денёчки 97
Тёплый ветер 98
Среди пения птиц, где тепло 98
Начало 99
Гроза 99
«Тьма нависла, но ещё вечер...» 99
Осторожный дождик 100
Золотое солнышко 101
Семицветное чудо 101
Надежда Лишманова 102
Бабье лето 102
Мошкара 103
Ночной гость 104
После баньки 104
Неведомый мир 105
Красота 105
Горе рыбак 106
Потеплело 107
Ожидание 107
Кукушка 108

Любовь Коробкина . . . 109
Музыка ливня . . . 109
Лето, деревня, компот . . . 109
Разлился золотом закат... . . . 110
Неужели это лето . . . 110
Зигзаг мечты . . . 110
Признание лету . . . 111
Нетающий снег . . . 111
В мечтах . . . 112
Кофе и белая ночь . . . 112
Зарисовка с натуры . . . 113
Вот такое лето... . . . 114
Олег Рихтер . . . 116
«Беззвездная ночь над полями...» . . . 116
«Пусть солнце пламенного юга...» . . . 117
«Ночь очарована костром...» . . . 117
Грибные страсти . . . 118
Решительность . . . 118
Монолог хвастуна . . . 119
Монолог завистника . . . 120
«Эта странная ночь...» . . . 121
Нина Сергеева . . . 123
Неэлегия . . . 123
Memento mori* . . . 123
Fastis* . . . 124
«В гостинице укрыты пустотой...» . . . 125
Прохору (Письмо другу)... . . . 126
«И всё глубже, и глубже...» . . . 127
«Представь себе, между паузой и кульминацией...» . . . 128
Никон Сочихин . . . 130
Журавли детства . . . 130
Элегия . . . 130
Середина лета . . . 131
Памятный урок . . . 132
Письмо . . . 132

«Опять дожди. Опять дожди...» 133
Багульник 134
На рыбалке 134
Середина лета 134
Подорожник 135
Старя берёза 136
«Мы много бегаем по свету...» 136
Евгений Ставровский 138
Осталась до лета неделя... 138
Лето пришло в Сибирь 138
Июль в разгаре... 140
Заплутало эхо по оврагам... 141
Август 142
Провожая короткое лето... 143
Бабье лето 143
Сергей Мельников 147
Перекат 147
Лес 149
Рыбалка 151
Вячеслав Сазанович 155
Притча о том, что появилось первым 155
Анжелика Бивол 159
К морю 159
Маленькая Волна 161
Шнурок 163
Камушек 164
Алексей Горский 166
Собака ходит в детский сад 166
Нина Календарева 172
Подружки 172
Печка 173
Моя «золотая» мама 174
«К нам с улицы в оконышко...» 175

Литературное объединение "Северный огонёк"

Книга летнего настроения

Иллюстратор Изабелла Сазанович
Дизайнер обложки Изабелла Сазанович
Составитель Вячеслав Сазанович

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero